

Юлия Нифонтова

ШИЗА

ЗВІ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Нифонтова
Шиза: три в одной

«Автор»

2020

Нифонтова Ю. А.

Шиза: три в одной / Ю. А. Нифонтова — «Автор», 2020

Как мог исчезнуть обычный школьник из запертой изнутри ванной комнаты? Возможна ли безумная взаимная любовь юной студентки и фиолетово-чёрного чудовища, на которое и взглянуть-то невозможно без холодящего душу ужаса? Неужели где-то существует странный мир, где можно запросто встретить персонажей древнегреческой мифологии и современных голливудских блокбастеров? Книга «Шиза: три в одной» – продолжение серии произведений о девушке, обнаружившей в себе грозный мистический дар, да ещё бедняжку угораздило влюбиться в загадочного юношу, который живёт в ином мире. Книга предназначена для широкого круга читателей, старше 16 лет. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Нифонтова Ю. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Юлия Нифонтова

Шиза: три в одной

Невероятное исчезновение

*Взрослые
дорожат бетонными сотами,
бредят дедлайнами, спят, считают рубли.
Дети уходят из города.
В марте.
Сотнями.
Ни одного сбежавшего
не нашли...
Дана Сидерос*

Мама Ира снова и снова обводила замороженным взглядом стерильный санузел. Аккуратно сложенное белое махровое полотенце покоилось на стиральной машине нетронутым. Словно во сне, мама Ира отодвинула полупрозрачную занавеску – ванна была пуста. Пена уже осела, сделав воду мутноватой. Зная, что Лёнчик любит мыться очень горячей водой, женщина машинально сунула руку в воду и ощутила, что та комнатной температуры. Остыла уже. Невероятно!

Она начала судорожно перебирать в голове предшествующие события. Сын вернулся из музыкалки в обычное время, минут десять копошился у себя в комнате, попросил приготовить ему покушать, а затем по привычке отправился в ванную: «Пойду поплаваю!» С недавних пор мальчик считал себя взрослым и стал непременно запирается изнутри не только в ванной, но и в детской. На двери его комнаты теперь появилась строгая гостиничная табличка «Не беспокоить!»

Итак, зашумела вода, а потом... прошёл час и больше... Мама Ира, заподозрив неладное, осторожно постучала. Тишина. Сын не отозвался ни на громкие материнские призывы, ни на отчаянный стук деревянной скалкой, который вероятно слышал весь подъезд. Решив, что Лёнчику стало плохо и срочно нужна помощь, мама Ира тщетно пыталась выломать дверь самостоятельно.

Явился, вызванный на выручку, крупногабаритный сосед с гвоздодёром.

Пустив в ход «фому», он легко справился с деревянной преградой.

Зарёванная мать застыла в полном ужасе.

В тесном помещении никого не было.

Ребёнок пропал из запертой изнутри ванной комнаты!

Мама Ира растерянно оглядывала углы, пол, потолок и отказывалась верить в происходящее. Она снова и снова обводила глазами, полными замёрзших слёз, голубую кафельную плитку с прыгающими над волнами дельфинами, и казалось, что их весёлая стайка покачивается, пытаясь умчаться на волю, подальше от этого кошмара. Женщина, понимая всю безнадежность своих действий, всё же на всякий случай осмотрела пустое чрево стиральной машины, заглянула под ванну, как будто Лёнчик, потешаясь над матерью, из озорства мог выпрыгнуть оттуда: «Сюрприи-из!»

Женщина вдруг почувствовала, что где-то внутри, на уровне солнечного сплетения образовался твёрдый ледяной комок, который, вдруг оторвавшись, устремился вниз, видимо желая поскорее заморозить содержимое желудка. От неправдоподобности происходящего она впала

в нехарактерный для её кипучей натуры долгий ступор. Прислонясь к косяку, мама Ира пыталась удержаться на ногах, которые почему-то стали войлочными-мягкими. Наконец, словно решив покориться неизбежному, женщина неуклюже повалилась на пол.

Очнувшись она лишь тогда, когда от робких похлопываний по её щекам не на шутку перепуганный сосед перешёл на увесистые пощёчины. Короткий обморок ситуацию не улучшил. Мама Ира в первую очередь снова ринулась в ванную, но там ничего не изменилось – Лёнчик по-прежнему не обнаружился.

Собрав волю в кулак, она начала судорожно обзванивать все наличествующие в городке службы: МЧС, телефон доверия ФСБ, полицию, скорую помощь и на всякий случай пожарную команду. Эту душераздирающую картину, понуро переминаясь с ноги на ногу, словно стесняясь своего высокого роста и широченных плечей, наблюдал сосед, не решаясь покинуть зону бедствия.

Полицейский недоверчиво опрашивал маму Иру, многозначительно переглядываясь с толстой рябой врачихой в суровых очках:

– Так вы, гражданка, утверждаете, что ваш сын пошёл мыться в ванную, а когда вы туда вошли, его там не оказалось? Я правильно понимаю?

– Да! Да! Я-я-я нн-не понимаю, как это может быть... – заикаясь, лепетала мама Ира.

– Та-ак. Подскажите, пожалуйста, а какое сегодня число? – поинтересовался молодой опер, демонстрируя хороший навык работы с неадекватными нарушителями правопорядка.

Однако выходило это у него весьма нарочито, и мама Ира тут же вспыхнула:

– Да вы что?! За психопатку меня, что ли, принимаете?! Знаю, знаю я какое сегодня число – пятое сентября! Всё я знаю!

Полицейский изо всех сил стараясь оставаться уравновешенным, спросил глубоким ровным голосом, словно вовсе не заметил, что дамочка начала истерить:

– Хорошо, а из дома вы куда не отлучались?

– Да нет же, говорю вам! Не-ет!

После резкого всплеска эмоций мама Ира попыталась взять себя в руки и сделать анти-стрессовую дыхательную гимнастику, как учил известный народный целитель из телевизора. Она стала медленно вдыхать и выдыхать воздух. Дышать у неё получалось, а вот успокоиться – нет. Тут снова подлил масла в огонь молодой служака:

– А мальчик у вас раньше из дома убежал? Или, может, вы поссорились из-за чего-нибудь?

На этот раз мама Ира просто расвирепела:

– Да никогда он не убежал. Он отличник. Круглый! Мамина радость. Не мог он куда убежать. Вы это понимаете или нет?! Его украли бандиты!!! А вы мне тут голову морочите!!! Срочно найдите ребёнка!!! Дайте мне телефон вашего начальства!!! Я им расскажу, как вы бездействуете!!!

Однако полицейского нисколько не смутил такой наскок нервной дамочки, наоборот, он словно вновь оказался в родной среде. Перестав смущаться и расправив плечи, он уверенно, радостно и чуть угрожающе гаркнул:

– Так, спокойно! Сами детей теряют, а потом им начальство подавай! Скажите спасибо, что я тут с вами нянчусь. Официальные меры органы обязаны вообще принимать только по истечении трёх суток! Так что не надо мне тут на горло брать!

Мама Ира закрыла лицо ладонями и с каким-то небывалым наслаждением разрыдалась. Полицейский повёл плечами, будто у него между лопатками под кителем ползает надоедливая муха, и спросил уже примирительно, готовясь записывать данные в блокнот:

– Так, кто с вами ещё в квартире проживает?

Мама Ира подняла заплаканное лицо.

– Янка! Дочь моя.

– Как полное имя? – поинтересовался полицейский.
– Яна Геннадьевна Стрельцова.
– Где в данный момент находится?
– На занятиях. В училище на занятиях, – женщину словно осенила спасительная мысль. Лицо просветлело и озарилось безрассудной надеждой, – Ей надо позвонить! Как же я раньше-то не догадалась. Срочно позвонить

Остров-рай

*В нашем доме тепло и покойно,
Здесь по-прежнему только свои:
Тот же чайник, часы, ручкойник,
Что по каплям отсчитывал дни...*

Бабушка отворила ставни и маленький дом, словно открыв глаза спросонья, вздохнул полной грудью. Две комнатки и кухня наполнились мягким золотым светом. Десяток оголтелых солнечных зайчиков запрыгали по белоснежной скатерти, по фарфоровым чашкам и по блестящим изгибам величавого самовара, что возвышался хозяином посреди стола. Бабушка, глядя на своё улыбающееся самоварное отражение, часто любила вспоминать:

– А помнишь, как ты маленькая стишок рассказывала: «Я хочу напиться чаю, ко смовару подгибаю!»

Крепкий чай в это утро дополняли целое блюдо хрустящего «хвороста», обсыпанного сахарной пудрой, и пиала густой сметаны. Ажурные поджаристые крендельки источали призывный аромат. Да, бабушка из простой муки, масла и сахара могла приготовить просто королевские вкусности, равных которым не найти.

Два больших окна Янкиной комнаты глядели в палисадник. Там всюду цвели ароматные нарциссы, их нежные желтоватые кружева оттеняли сочные пятна алых тюльпанов. Россыпью крепеньких шариков-бутонов покрылись два раскидистых куста пионов: один бело-розовый, а второй густого свекольного цвета. Некоторые бутоны, похожие на толстых птенцов, уже начали выпускать на свет свои первые волнистые пёрышки.

Букет сирени, как ребёнок на руках,

В резных кружавчиках сиренево-крахмальных.

Опять весна оставит в дураках,

Пройдя насквозь крамольно и фатально...

На забор палисадника свешивались щедрые гроздья сирени. Любуясь её цветением, которое нынче выдалось особенно буйным, бабушка всегда замечала: «Это папина сирень, он посадил. Первую, когда ты родилась. Вон, вишь, какая теперь высокая стала да разрослась, а вон ту, что поменьше, – на рождение Лёнчика саживал. Так она что-то всё болела, не цвела, но потом ничего, одыбалась. Теперь вишь, почти твою догоняет».

Благоухание сиреневых кустов смешивалось с запахами цветов, проснувшейся земли, первой травки, но временами всё же, словно наплывами, перебивало их. Сиреневый аромат то скромно откатывал, как бы давая возможность пощеголять и другим красавцам, но затем выпускал на волю сильнейшую волну, что накрывала собой маленький палисадник и вривалась в открытые форточки восточной стороны белого домика.

Да, на востоке их уютного парящего в Межмирье островка всегда был май. С противоположной, западной, стороны дома всегда буйствовал щедрый август. Там располагались довольно обширные для городского частного сектора сад с огородом. Всё было так же, как при земной жизни бабушки, с той лишь разницей, что цветущий майский палисадник соседствовал с плодоносным августовским садом.

Яблони клонили усталые руки, полные спелых плодов. Так же как при жизни дедушки, что умел прививать несколько сортов на дереве, они давали совершенно разные яблочки. Так на одной яблоньке рядом с бордовыми кисло-сладкими ранетками соседствовали мятные зелёные яблочки, а с другой стороны крону обсыпали жёлтые, совершенно медовые, что при созревании становились полупрозрачными.

В открытой высокой теплице вились огуречные лианы. Маленькие огурчики в белой юношеской щетине притаились за разлапистыми шершавыми листьями, но им не суждено стать взрослыми, бабушка скоро сорвёт их и нарежет в салат вместе с мясистыми помидорами.

Томатные гряды протянулись вдоль огорода, неся невероятно крупные спелые «бычьи сердца» и россыпи жёлтых помидоров-«лимончиков». Периметр участка обрамляли заросли малины, мерцающая множеством сладких подарочков. Дул тёплый ветерок, играя листьями и ветками. У дальнего забора среди многочисленных кустов чёрной смородины выделялся один крыжовенный колючий «ёжик», усеянный маленькими полосатыми ягодами, похожими на крошечные арбузики. За забором на улице шумели тополя, пуская по ветру свои пушинки. Там царствовал вечный июнь. Белые пушистики летели медленно в тёплом прогретом воздухе, делая пространство чем-то похожим на медленно-текущую жизнь аквариума.

Соседей же не было вовсе, да и откуда им, скажите, взяться, ежели домик с приусадебным участком и надворными постройками парит в некоем загадочном пространстве, которое и называют-то все по-своему. Кличут астралом и мировым информационным полем, да мало ли ещё как. Вот, например, есть такие, кто уверен, что это место – только странный повторяющийся сон, слишком яркий и осязаемый, чтобы быть сном, но слишком свободный и невероятный, чтобы быть реальностью.

Янка понемногу стала осваиваться в этом измерении, которое называла Гранью. Теперь она проводила здесь времени больше, чем в постылой действительности, полной проблем, запретов, чванливых взрослых, глупых условностей, беспощадного давления со всех сторон. Здесь всё было иначе. Она начала понимать, что Грань – это перекрёсток всех миров, тонкая мембрана, откуда можно попасть в любое, даже выдуманное людьми пространство. Вон там, далеко, в фиолетовых горах, в одной из священных пещер, есть бездонный колодец под названием «Саркофаг». В прошлом году она не без помощи здешних обитателей, отправила туда синего монстра Ражье, и только спустя несколько месяцев, из межмирского учебника истории случайно узнала, что сей колодец – не что иное, как один из выходов в верхние круги Ада.

На синем горизонте возвышалась гигантская гора – Ловар¹, как называют её аборигены, или Чистилище², как прозвали её в реальном мире с лёгкой руки одного готического поэта³. От подножия к вершине гору обвивает беломраморная лестница, по которой веками бредут сущности, дерзнувшие улучшить посмертную судьбу. Взбираясь по высоким ступеням, они видят на склоне горы оживающие барельефы с картинами собственной греховной жизни. С

---

¹ Ловар (испанск.) – очищаться

² Чистилище (*лат.* Purgatorium) – согласно *католическому* вероучению, состояние, в котором пребывают души людей, которые умерли в мире с Богом, но нуждаются в очищении от последствий совершённых при жизни *грехов*. «Чистилище» – вторая часть *«Божественной комедии» Данте Алигьери*, повествующая о той части загробного мира, куда попадают души, успевшие рано или поздно покаяться в совершённых грехах. Такие души получают возможность достигнуть Рая после того, как поднимутся по горе Чистилище

³ Здесь подразумевается Данте Алигьери (прим. ред.)

лестницы далеко по долине разносятся рыдания и стоны страдающих от жесточайших мук совести.

На самой вершине горы – выход в Эдемский сад, но это, вопреки распространённым земным представлениям, ещё не Рай, а лишь пограничная зона. Первый этаж настоящего Рая располагался на Луне, чью обратную сторону навсегда отвернувшегося от Земли светила здесь было видно постоянно даже днём. Отсюда можно было прыгнуть в любую страну, побывать в любой эпохе, если, конечно, знать, как правильно это делать.

Совсем недавно в большой книге «География Межмирья» Янка вычитала, что Грань вовсе не имеет раз и навсегда устоявшихся границ. Оказывается, территория постоянно изменяется, ширится и прирастает за счёт возникновения новых миров, что неустанно придумывают писатели, кинематографисты, разработчики компьютерных игр или просто фантазёры. Их мир отражается на Грани, если приобретает устойчивый интерес тысячи поклонников, которые мечтают попасть туда и остаться навсегда, так межмирские земли прирастают территорией нового эгрегора⁴.

Но бывает и наоборот, существуют области Грани, что были когда-то обширны и могущественны, а сейчас съёживаются, постепенно приходя в упадок. Это районы угасающих религиозных учений, утраченной, некогда модной, литературы или кино. Поклонники забывают о них и перестают питать своей энергией, некогда богатые области чахнут, превращаясь в полузаброшенные малонаселённые трущобы. Такими провинциями стали, например, Ашуризм⁵ и Манихейство⁶. Совсем другое дело центральные земли между Светлым и Тёмным царством, близ которых и расположились самые популярные княжества, что всегда считались элитарными районами.

Мифологические существа щедро населяли эти места. В предгорье – Долине Земных Правителей издревле обитает целая колония бурых йети, с которыми Янке удалось познакомиться в прошлом году. Человекообразные чувствовали себя там хозяевами, и поэтому понуро бродившим бесприютным душам бывших королей, маршалов и президентов частенько доставалось от их сплочённой банды. Янка не единожды наблюдала с высоты птичьего полёта, как организованно снежные люди окружали какого-нибудь замешкавшегося разиню в чешуе орденов и медалей. Забавляясь, они гоняли перепуганного бедолагу по самым густым колючим зарослям. Вопли перепуганных жертв и позвякивание наград доставляли мохнатым озорникам особое удовольствие, являясь чем-то вроде музыки для их ушей. Это было любимым развлечением племени после однообразного утомительного собирания корешков и ягод. Вожак –

---

⁴ Эгрегор (от др.-греч. ἐγρηγόρος «бодрствующий») – «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями группы (общности) людей или животных и обретающий самостоятельное бытие. Понятие используется в эзотеризме и оккультизме. Яркие примеры проявления эгрегора с точки зрения сторонников таких учений – это синхронное поведение стаи птиц, косяка рыбы или массы людей, связанных эмоционально и информационно. Факт существования эгрегора научно доказал швейцарский психолог и психоаналитик Карл Густав Юнг, который, проведя много серьезных опытов и исследований, не только объяснил поведение собравшихся в стаю птиц, но и ввел в обиход такое широко известное на текущий момент времени понятие, как «коллективное бессознательное». С точки зрения биоэнергетики «эгрегор» – энерго-информационная структура, изначально возникающая из сопоставленных эмоций и мыслей группы людей, объединённой общей идеей, энерго-информационный объект в тонком мире, связанный с определёнными состояниями людей, идеями, желаниями, стремлениями

⁵ Ашуризм – национальный культ ассирийского народа, Ашуризм был почти полностью идентичен более старой вавилонской религии. Политеистическая религия с тысячами богов, Ашуризм содержал приблизительно 20 важных божеств, включая Иштару и Мардука. Так как он подобен вавилонской религии, Ашуризм делит много общих историй с Иудаизмом и Христианством, а именно: мифом о создании, Большом Наводнении и Башне Столпотворения. Они также разделили недогматический рассказ о Лилит, гибриде женщины-демона, которая была первой женой Адама. Религия была основана в XVIII столетии до н.э. и продержалась до V столетия до н.э.

⁶ Манихейство – основал эту религию в третьем столетии нашей эры перс по имени Мани. Манихейство первоначально рассматривалось как еретическая христианская секта, но было признано самостоятельной религией. Его основатель утверждал, что он объединил все религии в мире, включая Зороастризм, Буддизм и Христианство. Сосредоточенное на различии между добром и злом, Манихейство было известно тем, что имело знание о дороге к спасению. Самые верные сторонники религии назывались «Избранные» или «Прекрасные» и напоминали буддистских монахов, они были обязаны быть кочевниками, чтобы распространять свою религию. В Средневековье манихейство потеряло свою популярность

Грозный Бем, огромный с гипертрофированными мускулами и клыками, ходил, нацепив золотую корону, усыпанную драгоценными камнями, наверняка, оброненную каким-то струсившим монархом.

Бабушка рассказывала, что в пещерах Снежных гор, где царствует вечная мерзлота, обитает колония йети совершенно белого окраса. Она, конечно, выразилась иначе, назвав их по-своему – беленькие бабайки. Рассказала и о том, что, когда жила в замке Аграновичей, видела одного такого. Однажды она по своему обыкновению пошла на большой базар, что располагался в Срединных Землях, пополнить запас чудодейственных трав. Там в одной из душистых лавчонок, среди других диковинных существ продавался детёныш Серебристого Бигфута⁷, именно так было написано на ценнике. Торговец, пожилой фавн⁸, заломил за него баснословную цену и утверждал, что это весьма редкий экземпляр.

– Бабушка, а чем фавны отличаются от сатиров⁹? По-моему, они выглядят и пахнут одинаково, – спросила тогда Янка, которой всё было интересно в новом, не до конца изведанном мире.

– Да что ты, доча! Они ж совсем разные. Фавны добрее, любят веселить других и предрасположены к полноте, а сатиры самолюбывы и охальники. Но главное их отличие в рогах. У фавнов они, вроде как у барашков – колечками, а у сатиров – козлячьи, а ещё они задиры и любят бодаться.

Бабушка вспомнила очень трогательный эпизод, связанный с детёнышем реликтового гоминида. Малютка не переносил несвободы. Сидя в тесной клетке, в которой держал его лавочник, малыш выглядел квёлым, отказывался от пищи, поскуливал и беспрестанно плакал. Придя с базара, бабушка рассказала Саше о страшной судьбе юного бигфута. Он, не мешкая ни минуты, полетел в Срединные Земли. Выкупив страдальца, унёс его в родные пенаты и вернул белоснежному семейству. В благодарность несколько большеногих представителей племени принесли в замок удивительный подарок – необыкновенно голубой лёд. Правда, чем он отличается от обычного, нескладные малоразговорчивые приматы объяснить так и не смогли.

Янка задумала обязательно слетать на заснеженные вершины, чтобы навестить освобождённого малыша. Ещё многие уголки Межмирья оставались для Янки неизведанными. Грань не переставала удивлять. Девушка открывала для себя всё новые удивительные местечки. Например, если раскинуть руки и полететь над холмами в обратном направлении от горы Ловар, то, миновав глубокую Тёмную реку, можно попасть в ожившие мифы древней Эллады в район под названием Архаика. Там Янке однажды даже удалось увидеть настоящего кентавра. Одинокий человекоконь мчался куда-то, а длинная рыжая грива полыхала ярким пламенем за его могучей спиной.

---

⁷ Бигфут (от англ. *Bigfoot*), также известный как Сасквоч (*Sasquatch*) – название предполагаемого млекопитающего, похожего на крупную человекообразную обезьяну. Обычно его описывают как большого волосатого *гоминида*, передвигающегося на двух ногах

⁸ Фавн (*лат.* *Faunus*) – одно из древнейших национальных божеств *Италии*. Многие чисто *италийские* особенности его характера и культа сгладились вследствие отождествления его с греческим *Паном*. Фавн – добрый, милостивый *бог* (от *лат.* *favere* – быть благосклонным, отсюда же происходят имена *Faustus*, *Faustulus*, *Favonius*). В образе Фавна древние *италийцы* почитали доброго *духа* гор, лугов, полей, пещер, стад, ниспосылающего плодородие полям, животным и людям

⁹ Сатиры (*др.-греч.* Σάτυροι, ед. ч. Σάτυρος) – в греческой мифологии лесные божества, демоны плодородия, жизне-радостные козлоногие существа, населявшие греческие острова. Они впервые приготовили вино. Славились пристрастием к алкоголю и избыточной сексуальной активностью. Сатиры составляли свиту бога виноделия *Диониса*. Они задиристы, похотливы, влюбчивы, наглы, преследуют *нимф* и *менад*

Янка теперь могла летать повсюду, и это было очень приятное приобретение после того как она по совету бабушки проглотила и вторую серьгу. Теперь волшебный парный артефакт «Глаза Ночи» стал частью её самой. Она иногда чувствовала их в области сердца, будто два быстрых безболезненных укола, «Глаза Ночи» напоминали: мы тут, вместе с тобой навсегда.

Особенным удовольствием было прилечь на пушистое прохладное облако и раздуть его белые клубы. В такие минуты Янка вспоминала, как в детстве она любила сидеть в ванной, когда вокруг вздымались горы пены из сверкающих мыльных пузырьков. Можно было сильно подуть в самую сердцевину белопенного холма, и тогда внутри него образовывался сквозной тоннель. Разноцветные пузырьки и целые облачные ошметки взлетали вверх, сверкая сотнями крошечных радуг.

Мотаясь повсюду, Янка начала составлять для себя карту Грани. Она знала теперь, где проходит пограничная зона – пространство между владениями Тёмных и Светлых сил. Только в тот величественный замок с массивными романскими стенами, где проживал Агранович, ходу ей не было. Бабушка тоже недавно покинула те каменные чертоги, потому что на дух не выносила «эту шмакодявку» – Гелю.

Теперь Янка с бабушкой поселились на маленьком уютном летающем острове величиной с их бывшую усадьбу, и частично включавшем несколько улиц. Это было весело и странно, словно возвращение в детство, куда, если верить песне, дороги нет. Со стороны огорода, правда, вместо положенных соседских домов виднелся лесок из бабушкиных деревенских воспоминаний, и они уже давно собирались туда сходить, да всё откладывали.

Одним из самых чудесных реалий Грани было то, что здесь можно было никуда не торопиться. Не надо было бежать на занятия, а потом с занятий, тащить пудовый этюдник, который совсем не нравился пассажирам автобуса. Здесь можно было по своему желанию растянуть время, естественно, не до бесконечности, но из одного дня сделать несколько – вполне нормальная практика для путешествующих по мирам туристов.

Однако главным волшебством Грани стала для Янки – живая и помолодевшая бабушка. Свою реальность она покинула почти восемь лет назад, но Янка по-прежнему горячо любила её и всегда безумно скучала. Это для прошлой бытности она умерла, а тут вот она, пожалуйста, совершенно здоровая, с блестящими ласковыми глазами сидит на крылечке, аккуратно обрезаю со всех сторон янтарные медовые ранетки.

Жёлтые сладкие пятаки падают в её чистый льняной фартук, растянутый на коленях, как люлька. Значит, на ужин будет румяная шарлотка. Янка неторопливо чистит мастихином палитру, разложив кисти, тюбики с краской на верстаке у летней кухни. Бабушка поглядывает на внучку и всё учит-учит жизни, совсем как раньше, там, в том прежнем их «беленьком» домике. Только теперь слова её вроде как чужие, не знала она в той жизни таких мудрёных слов, словно взятых из какого-то фильма про эльфов и гномов.

– Ты же, когда серьги проглотила, то сразу поняла, что вроде как слилась с ними, что они вжились в твою нутро. Они теперь как вот рука твоя или нога. После этого ты можешь чужие мысли разузнать. Но самое главное, должна научиться ещё одной важной вещи – останавливать время, а может, даже получицца отматывать его назад. Сначала всего на полминутки или даже меньше. Вот смотри (сама-то я такого сроду не делала), представь, всё, что ты сейчас видишь: и верстак, и кисточки на нём, и меня на крылечке – всё-всё втягивается в твоё кольцо, но так, чтоб по спирали. Закручивай в своей голове по часовой стрелке. Ну, ты ж умеешь фантазировать, вот и давай.

– Ладно, бабуль, всё. Пошла я уже фантазировать, а то мне ко вторнику нужно ещё две картинки сварганить.

Янка торопливо разложила по отделам этюдника кисти и краски и пошла в огород писать этюд. За погребом как раз дожидались её три большеголовых подсолнуха, которые так и просились на холст. Девушка деловито установила этюдник, воткнув три его острые алюминиевые ножки в прогретую землю. Надо бы до заката успеть. Хотя наступление непроглядной чернильной мглы ожидалось ещё не скоро. Здесь всегда, и днём и ночью, виднелось сразу две гигантские луны, точнее луна, а за ней – Земля. Солнце светило странно. Янка давно отследила, что солнечный свет обычно здесь рассеянный и мягкий, как бы прошедший через туманную взвесь, но стоит только перемениться настроению, загрустить или расхотаться, как погода и освещение сразу чутко реагируют на это.

Когда Янка с бабушкой в Долине Парящих Земель возводили свой островок силами воспоминаний и воображения, то специально подняли его на такую высоту, чтобы не были видны соседние жилища. Им хотелось остаться только вдвоём. Но, поразмыслив, они решили взять в компанию и свою прежнюю сибирскую кошку Мому. Если посмотреть с края острова, то можно увидеть тысячи зависших в воздухе маленьких и больших владений. Между некоторыми протянуты дороги, однако это лишь олицетворение дружеских или родственных уз. Ведь жители вполне могли прилететь в гости, не пользуясь тропинками и мостами. Но им с бабушкой не нужны были другие собеседники, они находили радость в покое и уединении.

Янка несколькими взмахами тонкой кисти закомпоновала этюд на грунтованном картоне. Композицию этюда составили три крупных подсолнуха и часть деревянного забора на заднем плане. Решив не прорисовывать детали, художница обошлась без палочки прессованного угля, а наметила контуры сразу краской – золотистой охрой, жидко разведённой разбавителем тройником¹⁰. Чуть полюбовавшись видом и предвкушая радость от сотворения насыщенной солнцем картины, Янка принялась анализировать и выстраивать в голове цветовые сочетания: подсолнухи, небо, разлапистые листья, острые серые зубы забора. Она увлечённо замешала на

---

¹⁰ *Тройник (худож.)* –раствор льняного масла и лака в очищенном скипидаре – пинене. Применяется для разбавления художественных красок и лаков

только что вычищенной палитре соотношения больших цветковых пятен. Вот Валентин Валентинович похвалил бы!

Избавляя от посторонних мыслей, процесс захватил художницу целиком до такой степени, что из земли с невероятной быстротой полезли подсолнечные ростки, расцветая буквально на глазах. Янке даже дважды приходилось выдёргивать из земли плоды своего художественного мыслетворчества, чтобы новые только что сотворённые подсолнушки не нарушали стройное трио. Она уже почти закончила этюд, но по своему обыкновению завязла в деталях, тщательно выписывая ярко-жёлтые лепестки на шляпках.

Дымчато-пепельная кошка расположилась на поленнице за погребом и внимательно следила за действиями художницы. Вскоре после серии отчаянных зевков сон победил Мому и она, уютно свернувшись колом (снова бабушкино словечко!), уснула. «Ах ты, красотка моя, если будешь так смиренно полёживать, то я и тебя успею написать!» – обрадовалась девушка.

Как вдруг что-то незримо изменилось в самой атмосфере. Высокое ясное небо затянули серые непроглядные тучи, укутав светило плотным комковатым ватным одеялом. Яркий тёплый свет уже не отделялся чёткой холодной тенью, власть взяли полутона, и всё вокруг стало одинаково серым. Кошка неожиданно проснулась и, недовольно мяукнув, убежала прочь. Казалось, даже троица подсолнухов, замерев, настороженно прислушивается к происходящему. Янка в раздражении ещё какое-то время пыталась завершить работу, дописывая освящение по памяти. Но состояние природы и вдохновение были безвозвратно потеряны, и она, решив, что уже и так сойдёт, начала собираться.

Небо стремительно темнело, как перед грозой. В наэлектризованном воздухе запахло озоном. Янка понимала, что здесь ничего не происходит просто так. Грань пытается о чём-то предупредить. Стараясь не поддаваться панике, складывая этюдник, она нарочно долго и тщательно вытирала кисти. Налетел холодный пронизывающий ветер. Три брата подсолнуха, сегодняшние Янкины модели, взметнув вверх широкие зелёные ладони, затрепетали то ли в восхищении от увиденного семейного портрета, то ли от страха, мол, сдаёмся!

Вдруг наступила необычная давящая тишина. У Янки в голове заухали меха дырявой гармонии. На тополях за забором примолк неутомимый птичий базар. Даже нагловатый непрошенный порыв невесть откуда взявшегося ветра, словно убоившись неопознанного зла, прибил к земле и затаился в дальних кустах. Казалось, что даже листва и трава застыли.

Тревожное беспокойство холодной ядовитой гадюкой шевельнулось где-то рядом с сердцем. Самым мудрым решением было бы сейчас, конечно, ретироваться по-быстрому и спрятаться в доме за дверью, защищённой надёжной пентаграммой. Мало ли какая неведомая сказочная гадость могла вдруг объявиться на перекрёстке всех миров: трёхглавый Змей Горыныч, например, мог мимо промчаться или летучий косяк метёлок выпускников Хогварта.

Янка завернула за угол, беспокоясь, что на крыльце сидит ничего не подозревающая бабушка, но та уже ушла хлопотать в кухню. Девушка занесла в сенцы этюдник, поставила к стене сырую работу. Подсолнухи словно зажглись в прохладной полутьме и смотрелись теперь сочнее и радостней, Янка удовлетворённо отметила, что этюд удался.

Чуть помедлив, словно собираясь с мыслями, она решила сопротивляться страху и вернулась в огород. Девушка прошла по тропке между грядок, встала в самой середине и осмотрела периметр. Не заметив ничего опасного, решила немного подождать. Янка вернулась к стене дома и встала на крышку погреба. Здесь с возвышения можно было контролировать максимальную площадь, не вертясь кругом. Вдруг она заметила неясное мельтешение у дальнего забора. Какое-то синее пятно то поднималась, то вновь пряталась за старым ветхим ограждением, нещадно его раскачивая.

Девушка робко двинулась навстречу, но тут же в ужасе отшатнулась. На забор пытался взобраться огромный синий медведь. Он встал во весь трёхметровый рост, опираясь широкими когтистыми лапами на забор. Заприметив её он, вытянув шею и утробно заревел. Янка видела

его огромную раскрытую зубастую пасть, трепетные ноздри, которыми зверь наверняка давно учуял её приближение. От страха в желудке у неё завязался противный холодный узел, ног она не чуяла.

Однако, не прекращая движение, Янка стала разговаривать сама с собой и с диким незванным гостем: «Эй, разве я не хозяйка пусть крошечного, но своего островка?! А?! Разве не в моём сердце растворились магические «Глаза Ночи»?! Мой боевой перстень всегда со мной! Вот, смотри!» Вытянув вперёд руку с нацеленным прямо в пасть гиганта голубым камнем, она пробиралась сквозь густые кусты смородины, что подбадривали панибратскими касаниями и острым ароматом. Дабы показать чудовищу, что она вовсе не хочет делать ему ничего плохого, а лишь удивлена внезапным вторжением, Янка напевала тихим дрожащим голосом только что выдуманную песенку:

– Ты тучка, тучка, тучка, ты вовсе не медведь. И как не стыдно тучке здесь громко так реветь?

Мишка, словно поняв слова и устыдившись, отвернул огромную голову в сторону и виновато глянул тёмно-синим блестящим глазком. Янка держала животное под прицелом, но медлила выпускать боевую искру. Неожиданно она поняла, что медведь плачет, из синего глаза, который она могла видеть пролегла мокрая чёрная дорожка. Не дожидаясь, когда в него полетят магические разряды, медведь вдруг стал на глазах разбухать и округляться, а потом неожиданно лопнул как гигантский пузырь, оставив после себя голубоватое дымное облачко с медовым ароматом.

От громкого хлопка с соседнего тополя, увешанного пушистыми серёжками, взметнулась стайка полупрозрачных элементариев¹¹ – мятущихся душ умерших людей, чаще всего атеистов, не приписанных на постоянное место обитания ни в Ад, ни в Рай. Они напоминали больших полупрозрачных бабочек, только при полном отсутствии головок и усиков. Вскольхнув крону, многочисленная стая спровоцировала бесшумный каскад тополиного пуха, который облепил их крылья и щедро посолил под деревом прогретую землю.

Кроме глубоких бороздок от медвежьих когтей на заборе осталось ещё кое-что. На серых, высушенных временем досках виднелся чёткий рисунок. Это была словно выведенная тёмно-синей тушью трясогузка, что вполне могла уместиться на детской ладони. Но вот что удивительно, плоская нарисованная птица кивала, раскрывала клювик, и даже, как настоящая, трясла хвостиком. Янка невольно протянула к ней ладонь, в желании потрогать оживший рисунок, как вдруг изображение соскочило с забора и перепрыгнуло на протянутую руку. Девушка ошарашенно уставилась на своё запястье. Теперь чуть пониже кисти на её правой руке красовалась совершенно натуральная татуировка – мастерски, со знанием дела прорисованная трясогузка.

Покинутый замок

Обрыв. Провал. И я на дне,

На дне глубокого колодца.

В том самом-самом чёрном дне,

В ужасном чёрном дне без солнца

---

¹¹ Элементарии (источник: Елена Петровна Блаватская «Теософский словарь») – элементарные духи, развоплощенные души развращенных; эти души уже за некоторое время до смерти отделили от себя свой божественный Дух и тем самым утратили свой шанс на бессмертие

И ночи без тебя.

На самом краешке крыла,

Уснула маленькая точка всех надежд.

Мой серый ангел, светлоокий,

Несусветный –

Прозрачный бред...

Тоскливый путь окончен – всё известно.

В формате тёплого окна,

На острие огня, в твоей судьбе

Нет места,

места для меня...

В интерьерах замка ей всегда не хватало света. Она даже не подозревала раньше, что можно так сильно скучать по обычному дневному свету. Солнце на Грани было редким явлением. Правда, на утренней заре солнечные лучи влетали в узкие, больше похожие на бойницы оконные проёмы и протыкали своими острыми пиками пространство тронного зала. Длилось это великолепие совсем недолго, и как только солнечный диск поднимался выше, его лучики один за другим пристыженно убирались восвояси, словно проигравшие бой с темнотой, сыростью и старостью фамильного замка Аграновичей.

Можно было ещё скрасить часок, а то и два, сидя в прихожей, оформленной в Восточном стиле. Небольшие стрельчатые окошки над входными дверьми были витражными. Световые лучи, проходя через разноцветные стёкла, окрашивали сумрачное помещение в весёлые цвета: бирюзово-голубой, травянисто-зелёный, светло-жёлтый, малахитовый, карминово-красный, сиреневый. Благодаря жизнерадостным лучикам на каменный пол, лестничные ступени и перила, на статуи многоруких индуистских богинь ложились цветные заплатки, смягчая суровость интерьера и делая его шутивно-ярмарочным. А если повезёт, то лучик может угодить в зеркало или на блестящую поверхность золотого копыя, прикреплённого на стене. Тогда по стенам побегут маленькие весёлые радуги и сам воздух наполнится обещанием чего-то необыкновенно-прекрасного, наверное, надеждой. Глядя на эту цветовую роскошь, девочке верилось, что будет ещё другая, беззаботная и счастливая жизнь.

А если взобраться на широкую дубовую лавку и встать на цыпочки, то можно разглядеть в окно на одной из остроконечных башенок бордовый флажок с вытканым на нём золотой нитью маленьким солнышком. Но это не радует так, как настоящее солнце, которого так мало в этой пограничной полосе между Тёмным и Светлым царством. По этой же причине не веселят прогулки, а особенно раздражают пролетающие мимо соседи, что, изображая приветливость, радушно машут из поднебесья. Будто они не знают, маленькая рыжеволосая девочка, что оста-

лась единственной обитательницей огромного замка, не может летать так же, как они. Чем она так прогневила Грань и почему лишена этой привычной для аборигенов способности? Нет на это ответа. «Просто прими как данность, – наставлял Саша, – ты просто живи, как обычно, и всё». Легко ему играть в добренького, когда сам он, да и все вокруг летают, как птицы. Все, кроме неё, маленькой Гели! Особенное бешенство вызывает мерзкая Янка, что кружит вокруг замка в сумерках, словно издеваясь! Ненавижу!

После того как владелец покинул своё родовое гнездо, замок стал напоминать каменный обелиск над братской могилой. Внутри по сумрачным рукавам коридоров иногда стало как-то сладковато и противно тянуть запахом разложения. Наверное, именно он – Александр Агранович – и был сердцем жилища, делая его тёплым, весёлым, живым. Теперь без хозяина большой дом медленно и тоскливо умирал.

Геля лежала в каминном зале на подиуме, устеленном коврами и оленьими шкурами. Здесь так любил коротать вечера Саша. И она теперь частенько засыпает не в своей слащавой девчачьей спальне в розовых кружевах, а здесь. Она поглаживает жёсткие олени ворсинки, словно ощущая родное тепло, как будто Саша отлучился совсем ненадолго, всего на минуточку и сейчас вернётся. Принесёт чашу с виноградом, спросит: «Ну, что тебе сегодня почитать?»

Геля подходит к массивному книжному шкафу, перед глазами плывут знакомые обложки: «Путешествие Гулливера»¹², «Алиса в стране чудес»¹³, «Гум-Гам»¹⁴, «Девочка с Земли»¹⁵... Почему же когда Саша был рядом, она точно так же ощущала себя несчастной и только теперь, когда его не стало, поняла, что была по-настоящему счастлива. Она могла брать его ладонь, тонкую и узкую, перебирать его длинные пальцы, музыкальные пальчики, говорила о них бабушка. Геля открывает шкаф, смотрит на бесполезные книги, они не интересны теперь – без него.

Хотя вот в другой, «взрослой», стороне полки стоят совсем иные книги, толстые, чёрные: многотомная серия «Практическая магия». Геля, заинтересованно сопя, вытаскивает с полки том с цифрой один на корешке. Открывает наугад. Раздел «Элементарные магические приёмы для начинающих». Параграф «Выдувание собственного фантома с многоходовой программой действий». «Хмм... потом разберусь!» – ухмыляется девчушка и оставляет книгу раскрытой на столе, теперь никто не будет ругать её за то, что она не прибирает за собой.

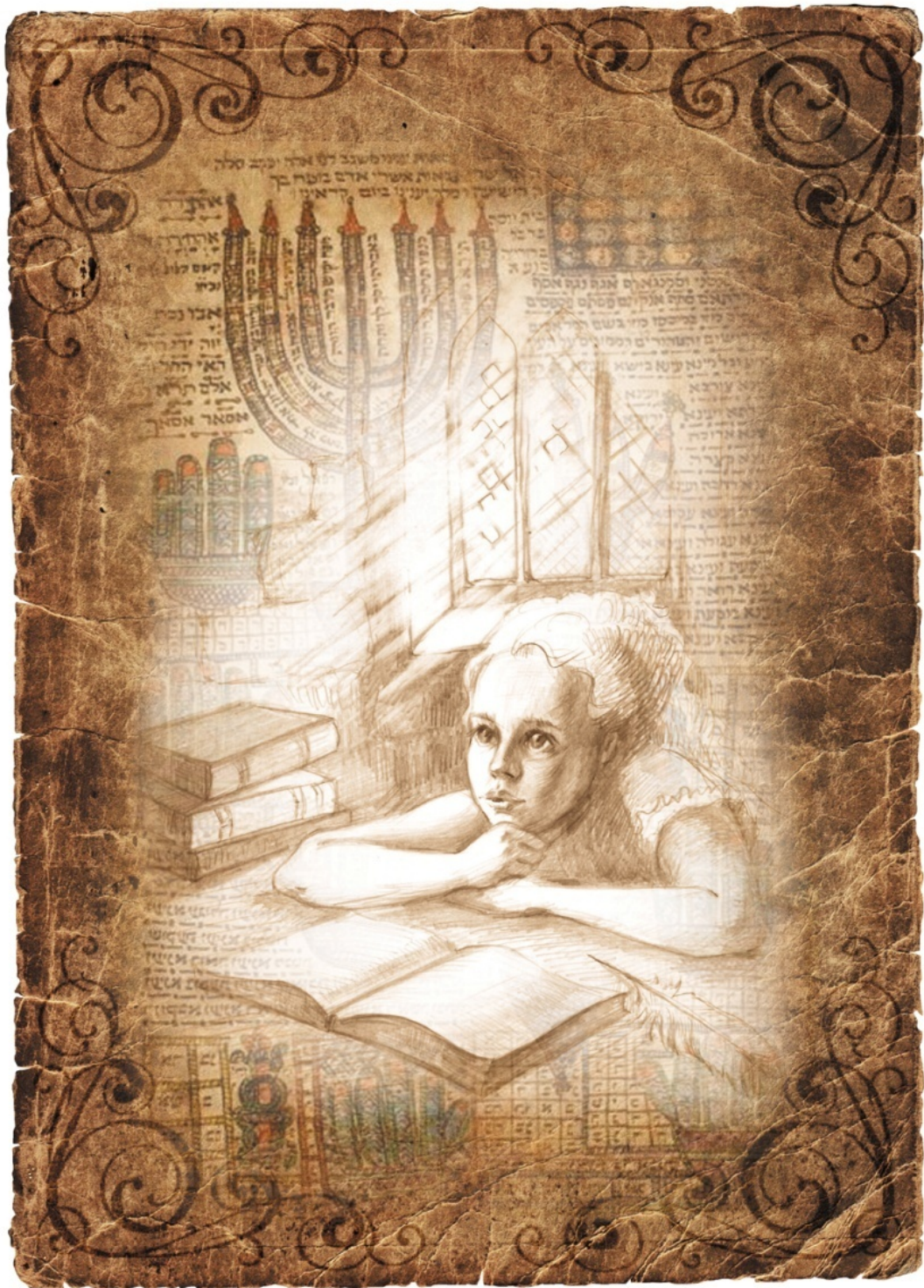
---

¹² «Путешествия Гулливера» (англ. *Gulliver's Travels*) – роман Джонатана Свифта

¹³ «Приключения Алисы в Стране чудес» (англ. *Alice's Adventures in Wonderland*), часто используется сокращённый вариант «Алиса в Стране чудес» (англ. *Alice in Wonderland*) – сказка, написанная английским математиком, поэтом и прозаиком Чарльзом Лютвиджем Доджсоном под псевдонимом Льюис Кэрролл

¹⁴ «Гум-гам» – фантастическая повесть Евгения Велтистова

¹⁵ «Девочка с Земли» – фантастическая повесть Кира Булычёва из цикла «Приключения Алисы». Выходила также под названиями «Путешествие Алисы» и «Алиса и три капитана»

В её маленькой кудрявой головке зреет уверенность, что она и сама сможет научиться магии без посторонней помощи. Во-первых, потому что совсем недавно, в той, земной жизни, она была взрослой независимой женщиной. Во-вторых, не захотев оставаться четырёхлетним карапузом, каким её сделала Грань, Геля за несколько недель самостоятельно подросла до уровня восьми, а может, даже и девяти лет, то-то бабушка с Сашей удивлялись. Да, она всегда добивается всего, чего захочет.

Разочарованно закрыв створку шкафа, Геля долго рассматривает своё отражение в тёмном стекле. В мутной недосказанности отражается худенькая девочка в шапке непослушных рыжих кудряшек, узкие острые плечи, белая ночнушка с оборочками, нос вздёрнутый (хорошо, что в дымной глади веснушки не отражаются!), глаза пристальные и совсем недетский взгляд.

Рядом со шкафом странный коричневый глобус, как будто из шлифованного камня, на нём обозначены сектора Грани, а сверху словно наложена сетка звёздного неба. Мало что можно понять, благо местоположение замка отмечено маленьким флажком. Геля тыкает в нарисованный флажок пальцем: «Тааак, значит, я вот здесь. Прямо на островке в разделительной полосе между Царством Светлых и Тёмных. Ну а ты куда подевался? В Башню Светлых тебе ходу нет. Значит ты, Сашечка, ушёл влево. Тут у нас целый континент Архаики, гряда Фиолетовых гор с пещерой, в которой и начались все мои здешние мытарства».

Девочка задумалась, она снова и снова возвращалась в тот страшный день, когда очнулась от наведённого демоном морока и долго не могла вспомнить, кто она. Ей пришлось учиться жить заново, ходить, говорить, одеваться, вспоминать слова, буквы и цифры. Но это было легко по сравнению с тем, что ей не сразу удалось примириться с собственным новым образом. Даже звук своего голоса казался ей поначалу чужим и удручал. Тогда она плохо помнила, каким образом оказалась на Грани, но зато с каждым днём всё отчётливее вспоминала свою прошлую земную жизнь.

Вставали перед её мысленным взором комнаты их с Сашей уютной квартиры. Маленькой и светлой, а не как эта сырая громадина с толстенными каменными стенами – замок людоеда из страшной сказки. Вроде помнилось ощущение, а вот точно представить себе детали Геля не могла. У них там было тепло, а здесь даже в жару прохладно и зябко. Девочка постоянно куталась в пушистую шаль из козьей шерсти, что не добавляло к её облику грациозности. Там, в той жизни, она одевалась в яркие платья и носила обувь на высоких каблуках. Но самое главное, что там они с Сашей обожали друг друга. Это Геля точно помнила. А здесь, в этом странном мире, всё было по-другому. Она превратилась в неказистую малявку, а Саша... он стал грустным... и отдалялся... отдалялся... пока не пропал вовсе.

Над глобусом висел большой календарь, на котором располагались земные дни сразу на три года. Геля взяла со стола гусиное перо, обмакнула его в чернильницу и аккуратно зачеркнула крестом сегодняшний день, ещё один тоскливый одинокий день, проведённый без Саши. Таких крестов набралось уже больше пятидесяти, а значит, по земным меркам, с тех пор как хозяин покинул свой замок, прошло почти два месяца. Синие равнодушные кресты множились, а ничего выяснить так и не удалось.

В самые страшные первые дни без него Геля ходила по соседним владениям и спрашивала, не знают ли они, куда подевался Агранович? Но здешние обитатели все как один отрицательно мотали головами, опуская взоры долу, словно что-то скрывая или не договаривая.

Маленькое глупое сердечко разрывалось. Но тогда рядом ещё была бабушка, которая каждое утро будила, заставляла умываться, кушать, гулять, заплетала ей две тугие косички. Тогда девочке это казалось отвратительным произволом, как бы она хотела теперь вернуть всё это. Вернуть ту, настоящую бабушку, которая могла разговаривать, добродушно корить её – «неслушницу». Но бабушка ушла. Обиделась. Да и поделом мне, ругала сама себя Геля.

Случилось это через четыре дня после пропажи Саши. Всё чаще и чаще девочку одолевали несладкие навязчивые догадки: «Он наверняка с ней! Бросил меня. Навсегда. Он ушёл к этой отвратительной Янке. Ненавижу! Хоть бы она сдохла!» Геля тогда впервые громко разрыдалась, уткнувшись мокрым носом в атласную обивку его трона. Высокие своды зала усилили её безудержный рёв, и немудрено, что, переполошившись, прибежала бабушка и стала обнимать, гладить Гелю по волосам, пытаясь утешить. Но вредная девчонка, устыдившись, что показала слабость, грубо оттолкнула:

– Отойди! От тебя старушатиной пахнет!

– Геленька, успокойся, маленькая! Да что ж так убивацца, у других вон ещё хуже! Всё уладицца...

– Ничего уже никогда не уладится! Ненавижу тебя, мерзкая старая дура! Не смей прикасаться ко мне! Никогда!

Геля резко повернулась и запустила старушке в голову, попавшим под руку высоким хрустальным фужером. Стекло разлетелось, разбившись о мраморный пол. Бабушка вздрогнула, зажала ударенный лоб. Молча повернулась и ушла. Больше Геля не видела её. Впоследствии соседи поговаривали, что та обосновалась в Долине парящих Земель.

Девочка подозревала, что старуха, конечно же, сделала это специально, зная, что ей не дано летать, и она никогда не сможет добраться до её нового жилища. Ну и пусть! Без бабки можно просыпаться во сколько захочешь или вообще не ложиться, не есть полезные каши на завтрак, можно вообще не есть, на Грани это вполне реально, а главное – гулять, где захочется. Никто не зудит над ухом о том, что пора домой, кушать, спать или что надо бы научиться красиво писать буквы, стирать свои носочки и чистить картошку. Бред!

Однажды Геля напрямую спросила нудную старушку, зачем она заставляет делать все эти совершенно ненужные на Грани дела, ведь в этом мире можно не есть, не спать, не расчесывать волосы. Но бабушка тогда сказала, что в беде лучше цепляться за привычный распорядок, делать обычные повседневные дела, которые облегчают боль и примиряют с действительностью. О какой ещё беде она тогда говорила? Или тоже чего-то недоговаривала, считая Гелю маленькой и глупой. Теперь уже не выспросить: бабушка обиделась и ушла.

Правда, старушка напоследок решила не бросать Гелю без помощи и оставила своего, наскоро слепленного клона. Двойник получился не до конца телесный. Внутри него под старой желтоватой кожей, покрытой сеткой мелких морщинок, можно было, приглядевшись, рассмотреть бушующие вихри серой туманной субстанции. Да, глядя на такой клон, сразу догадаешься, что человек, сотворивший его, не очень-то силен в магическом искусстве. Однако функции свои клон выполнял безукоризненно.

Фантом мог приготовить отличный обед, если его об этом вежливо попросить. На завтрак бабушкин двойник пёк блины, мог по просьбе заплести косы, а в остальном в Гелину жизнь почти никак не вмешивался. Псевдо-бабушка неподвижно сидела на кухне, пригорюнившись, у громадного мраморного стола и откликалась только на определённые запросы, в основном касательно приготовления пищи. Эмоций не проявляла вовсе, и даже свои любимые оладушки, которые готовила всегда с улыбкой и приговорами, теперь пекла молча с пустыми глазами-пуговицами, слепо пялясь в пространство перед собой. Смотреть на неё в такие моменты было весьма неприятно, как на нечто мёртвое, которое притворяется живым. На глупости и провокации бесчувственный «робот-бабушка» вообще никак не реагировал. Однажды от скуки Геля расчертила угольком пол на кухне и хотела заставить старушку прыгать вместе с ней в классики. Но упрямый фантом никак не отвечал на просьбы и даже приказания.

Геле надоело слоняться вокруг замка, гоняя с деревьев стайки элементариев и ворон. Словно на автомате, она колотила по голым чёрным стволам длинной шваброй, которую украла с кухни из-под самого носа фантома. Радости это занятие ей больше не доставляло. Ей не хотелось ни-че-го.

Девочка встала на краю пропасти. Дальше дорожка обрывалась круто вниз, и находиться здесь было просто опасно. Однако Геля не была бы Гелей, если б не затеяла нового рискованного развлечения. Она принялась пинать небольшие камешки со скалы, на которой покоился замок, следя за их головокружительным падением. Камни летели, иногда наткнувшись на скальные выступы, разбивались в полёте, и их обломки продолжали свое губительное движение в туманную бездонную пропасть.

Когда и эта шалость порядком ей наскучила, Геля стала всматриваться в унылый однообразный пейзаж, в верхушки гигантских деревьев, торчащие из пропасти, в очертания обрыдлого замка, выплывающего из густого тумана. И вдруг она заметила то, чего не замечала никогда раньше. Из подвала замка чернел выход прямо в обрыв, причем выглядел он, как выступ величиной с гараж, что выдвигался из стены, словно ящик каталога. Это сооружение можно было бы принять за гигантскую трубу, торчащую откуда-то из подвала под кухней, с единственным отступлением, что труба эта была квадратной формы. Выход зиял раззявленной пастью и никаких дверей или ступеней разглядеть было невозможно.

«Что это? – размышляла девочка – Гигантская канализационная труба, а нечистоты из неё льются прямо в пропасть». Но зная, что местные жители ели и пили крайне редко, лишь из желания подбодриться или оживить ощущения, такого количества нечистот никак не набиралось, даже если бы все комнаты замка были заполнены гостями. Хотя узкие коридоры, тускло освещаемые факелами, бесконечно плутают по замку, и, наверняка, ещё остались не исследованные помещения.

А вдруг это секретный канал для выбрасывания трупов искалеченных пленников? Нет, откуда взяться злодеям в семействе, имеющем в одном из своих колен такого праведника, что был удостоен возведения в чин Серафимов¹⁶. Бабушка часто любила пересказывать эту старую легенду. Поэтому в семействе Аграновичей часто встречались мужчины и женщины, названные соответственно: Серафим и Серафима. Хорошо, что Саше от высшего ангельского чина досталось только отчество. И тут Гелю осенила ещё одна идея. Это же тайный выход, спрятанный именно от неё, потому что остаться в живых, выйдя из такой двери можно, только умея летать, чего она как раз делать не умела.

¹⁶ Серафимы (ивр. *Śārāf* – пламень, горение или возвышенный, благородный) – один из девяти чинов [ангельских](#), о которых упоминается в [Священном Писании](#)

Обретя хоть что-то мало-мальски похожее на цель, и дабы найти подтверждение своей теории, девочка ринулась на поиски кухонного подвала. Бабушка-фантом не обратила на Гелю никакого внимания и осталась неподвижно сидеть, сгорбившись у стола. Ключ от кухонной кладовки бабушка всегда почему-то прятала в карман фартука и гнала Гелю, когда та пыталась что-то разглядеть в темноте чулана через замочную скважину. У девочки тогда даже зародилась мысль, что в этом закутке хранятся настоящие летательные мётлы и другие волшебные предметы.

Забрать ключ из кармана фантома было легко, псевдо-бабушка даже не шелохнулась, хотя у Гели в тот момент сильно колотилось сердце. Вдруг старуха схватит её за руку? Но всё обошлось, и ключ легко отворил массивную дверь. Действительно в чулане стояли метёлки, щётки и крупная посуда, редко бывавшая в обиходе, там же девочкой был обнаружен вход в подземелье.

Саша уходил из замка опрометью, как вор. Ясно осознавая, что обречён, он не хотел, чтобы его близкие стали очевидцами тех ужасных изменений, которые никто не в силах был остановить. Агранович и так, как мог, оттягивал момент расставания, но дальше тянуть было невозможно, уж слишком явные признаки перерождения проявлялись в его внешнем облике, да и в поведении. Становясь всё угрюмее, он испытывал даже физическую боль от необходимости общения.

Каждый его день стал начинаться с того, что он подолгу осматривал себя в зеркале. Сначала на голове по правой и левой стороне набухли шишки, словно его кто-то хорошенько отходил поленом. К тому же эти две воспалённые опухоли нестерпимо чесались. На спине, чуть ниже лопаток наблюдались такие же вспухшие области, которые к тому же невозможно было почесать руками. Прячась от посторонних взглядов, он подходил к дверному косяку и тёрся об него спиной, в такие моменты сравнивая себя с неуклюжим медведем.

Чтобы спрятать стремительные метаморфозы, Саша придумал носить турецкий тюрбан в паре с шёлковым восточным халатом. Однако это не укрылось от всезнающего бабушкиного ока, и она тоже в последнее время ходила как в воду опущенная, видимо осознавая, что именно претерпевает хозяин замка. Вскоре халат на спине стал топорщиться и уже не скрывал безобразный выпирающий горб. Только неунывающей Гельке было всё нипочём. Она по-прежнему ластилась, настойчиво тащила его в свои игры, закидывала тысячами извечных «почему» и, видимо, в своём блаженном детском эгоизме совершенно не чуяла нависшей над ним неправимой беды.

Агранович стал панически бояться прямых солнечных лучей, которыми Грань и так редко баловала своих обитателей. Теперь выходя на улицу, он стал кутаться в просторный плащ, низко надвигая капюшон, чтобы лицо всегда оставалось в тени. Хорошо, что в их местечке небо чаще всего напоминало застиранную простыню, с недорисованным оком двойной луны и густыми сугробами облаков.

Иногда на совместной прогулке, выждав момент, когда Геля увлечённая охотой, гоняясь за бабочками или элементариями, убегала прочь, он экспериментировал. Быстро, пока девочка не видит, он стаскивал с руки чёрную перчатку, являя светлому дню свою узкую руку. На бледной коже словно расплывались чернильные кляксы, не оставляя ни единого светлого пятна. Рука темнела буквально на глазах до степени фиолетовой черноты, оставляя белыми лишь длинные ногти, которые уже не брали ножницы. Ногти теперь больше напоминали загнутые когти большой хищной птицы. Агранович вглядывался в свою руку с обречённым ужасом.

Несколько земных дней назад он рискнул взять с собой на совместную прогулку с девочкой маленькое зеркало. Геля сначала дурашливо приставала, вовлекая в излюбленные договорняки, висла на нём и канючила. Но поняв, что он не намерен играть с ней, убежала к качелям,

где принялась раскачиваться и во всю глотку, не попадая ни в одну ноту, орать: «Крылаа-аа-аатые качели летят, летят, ле-етят...»

Улучив минуту, он быстро вынул из кармана зеркало и, повернувшись к свету, глянул в него. Домашние зеркала сумрачного замка, продолжая тешить, не показывали ему всей правды. Здесь же при дневном свете, откинув с лица капюшон, он увидел, как на самом деле неузнаваемо изменился. Лицо моментально потемнело. На него смотрел чернокожий с фиолетовым отливом... нечеловек. Он уже начал терять человеческие черты.

Ярко-жёлтые глаза горели хищной тигриной яростью. Нос загнулся, став излишне тонким и горбатым, напоминая теперь орлиный клюв. Надбровные дуги выдвинулись, а угольно-чёрные брови разлетелись крыльями чайки. Агранович попробовал улыбнуться своему отражению. Он всегда знал, любые несчастья можно пережить, если относиться к ним с юмором и самоиронией. Но лучше бы он не улыбался вовсе. Обнажившийся ряд крупных как чеснок белоснежных зубов так сильно контрастировал с темнотой кожи, что Саша даже отшатнулся от своего отражения с невольным вырвавшимся тихим стоном. А ведь теперь он мог ещё и выдвигать из верхней челюсти острые сабельные клыки. Но этой экстравагантной деталью своего облика, он предусмотрительно, чтобы совсем не упасть духом, любоваться не стал.

Так, всё, никаких больше совместных прогулок, а то не ровен час, напугаю ребёнка своей образиней. При взгляде на такое чудище можно лишиться дара речи. Вспомнилось, как однажды Геля увидела души «Мерцающих», что забрели случайно к ним в чёрный сад и, слепо натываясь друг на друга, кучковались у замковых ворот. Саша долго и спокойно объяснял девочке, что это лишь проекции живых людей, больных психически, которые при острой форме могут, не желая того, проявляться на Грани. Либо это те, кто сейчас находится в коме, между жизнью и смертью, пока не решено, куда их определяют. Но Геля приняла бестелесные тени за зомби и никак не могла успокоиться, ревела и дрожала. Видимо, сказывался опыт земной жизни, надо было меньше смотреть ужастиков. Пришлось прогнать безобидных и пугливых «Мерцающих» со двора.

Вечером прилетела белая голубка с посланием от кураторов Мадлен и араба. В записке они сдержанно просили его прибыть в полночь к подножию Башни Света и ни в коем случае не входить в неё, а подождать у порога. Эта вежливая просьба могла означать одно: что ему как перерожденцу вход в резиденцию Светлых сил теперь закрыт. Больше он не вернётся в свой кабинет с жарким камином, не обнимет бабушку, а самое ужасное – он больше никогда не увидит Янку.

Когда он подлетал к условленному месту, его вежливые кураторы, чтобы не ставить его в неловкое положение, уже ожидали.

– Никто не видел, как ты уходил? – участливо спросил араб.

Агранович отрицательно мотнул головой.

– Хорошо. Покажись, каков ты теперь, – с тихой затаённой печалью в голосе попросил араб, и по этому тону можно было легко понять, что его «хорошо» – вовсе не сулит ничего по-настоящему хорошего.

Агранович скинул плащ. Кураторы pokrутили его, обглядывая, словно покупая раба на невольничьем рынке.

– Да, чудно! Скорее всего, после окончания трансформации ты станешь горгулом, – заверил араб и со знанием дела пояснил: – Вон крылья чёрные лезут, а рога уже явно стали закручиваться. Такие «крутороги» характерны именно для семейства горгулий¹⁷.

---

¹⁷ Горгуля, также гаргуля (персонаж) – демонический персонаж фантастической литературы, комиксов, кино и компьютерных игр. В современном словоупотреблении гаргуля или горгуля часто означает полуантропоморфное (как пра-вило, крылатое) демоническое существо, выступающее в фантастических сюжетах. Произошло от Гаргуля, также гар-гуиль (фр. Gargouille, [gɑʁ.ɡuj]) и горгуля – в готической архитектуре: каменный или металлический вытук водосточного желоба, чаще всего скульптурно оформленный в виде зрелищного персонажа (иногда – многофигурного сюжета) и предна-

– Но это ещё не точно! – холодно одёрнула Мадлен: – Если ноги козлиные с копытцами и хвост овечий, то это уже несколько другой подвид. У тебя что там с ногами, оволосение не увеличилось? Ороговений нет на ступнях?

– Бог миловал, – буркнул будущий горгуль.

– Ты, однако, не забывайся, милоч, тебе не то что всеу упоминать Имя Его не следует, а вообще язык прикуси. Кстати язык покажи-ка, не раздвоился случайно?

– Ну не переживай, не переживай, – араб дружески потрепал Аграновича по плечу, – раз уж не захотел брать себе другую пару, то что ж – приходится терпеть. Могло быть и похуже. Вон Томас, (помнишь его?), теперь вообще простой фавн, а им, знаешь ли, даже штаны, извините, не положены.

– Ну-ка, отойди, дружок, подальше, посмотрю на тебя, – повелительно приказала Мадлен.

Агранович, тяжело вздохнув, взлетел на круглый валун и расправил крылья за спиной. Они пока были чуть больше лебединых и находились в процессе роста, ведь чтобы носить такой вес понадобятся крылья гораздо большего размаха и мощности. В росте и мышечной массе парень значительно увеличился. Но самые большие изменения коснулись его головы. Двумя крутыми завитками его голову венчали толстые светлые рога, как удалось выяснить из энциклопедии животных, Снежного барана Толсторога. Кураторы удовлетворённо кивнули друг другу, видимо, окончательно определившись к какой касте неприкасаемых демонов можно теперь точно определить подопечного.

– Хорошо, что ничего не стал с собой брать. Всё, что нужно, я как твой основной куратор принесу тебе по первому же требованию. Ну что ж, пока идёт перерождение, жить будешь в Архаике, в персональной пещере, там тебя никто не побеспокоит.

– Главное, на свет пока не выходи, а то можешь схватить обширный солнечный ожог. Гулять можно по ночам. Привыкай к новому расписанию жизни, – уточнила девушка, – и знаешь, крылья тренируй, скоро летать тебе придётся только на них. Зато есть бонус: сможешь перелетать в запретные Тёмные Земли.

– Да, и последнее. Теперь твоё имя – Агр!

Обитаемая квартира

Распоясывала рубашку,

Расплетала тугие косы

И воротами нараспашку

Убегала, простоволоса.

И дороги не разбирая,

В омут вечности – омут мести

Слишком близко, совсем с края

значительный для эффективного отвода стока от вертикальных поверхностей ниже свеса кровли. Проекцией этого представления оказывается смешение понятий гаргульи и химера, а также ложное предположение о существовании в системе средневековой западноевропейской тератологии демонических существ-гаргулий (иначе – горгулий), изображения которых якобы помещали на карнизы зданий, например, для отпугивания злых духов

Обронила простой крестик.

Остывало – остыло солнце,

Остывало – остыло сердце.

Занавешено то оконце,

И распахнута в ночь дверца.

Забывалось – забылось горе,

Разливалась – разлилась речка,

Понесла, понесла в море

На венчальном венке свечку...

Лестница, закручиваясь по спирали, вела резко вниз. Обычно факелы в замке, повинуюсь домашней магии, загорались сами собой, стоило лишь человеку оказаться в помещении. Но тут факелов не было вовсе, впереди зияла непроглядная тьма. Геле пришлось вернуться на кухню за свечой. Освещая путь маленьким дрожащим пламенем, девочка осторожно продвигалась, касаясь рукой стены, как бы ища поддержки. Стены и щербатые каменные ступени осклизли, делая путь опасным.

Геля шла всего несколько минут, но они показались слишком длинными и нудными. Наконец, она спустилась в холодное помещение, в котором стояли большие и маленькие ящики, а на страшных крюках висели ободранные мясные туши. Девочка рискнула раскопать холодный песок в одном из открытых ящиков и поняла, что в нём хранится обычная морковь: «Боже! Всё так заурядно, как в реальной жизни. Бабушкины запасы на зиму, и плевать им, что зимы тут вовсе не бывает, разве только высоко в горах лежат вечные снежные шапки». Геля обвела свечой продуктовый склад и вспомнила, как бабушка не единожды говорила: «Пойду-схожу в лёдник за свёклой. Так вот, оказывается, где этот самый “лёдник”».

И тут взгляд девочки заметил нечто совершенно необычное: в углу над деревянным настилом, где покоились бруски напиленного льда, в воздухе на высоте примерно полутора метров парили почти такие же льдины. С тем лишь отличием, что летающие льдины слегка светились в темноте подвала и были словно окутаны голубым сиянием.

Геля подошла поближе, недолго борясь с искушением и здравым смыслом который вторил: «Не тронь, не тронь, это непонятная магическая субстанция!» Но она всё же не удержалась и ткнула в летающий брусок указательным пальцем, тут же отдернув его, словно от удара током. Не только палец, но и всю руку пронзила острая боль. Казалось, что Гелю на какую-то долю секунды сначала обожгло, а следом заморозило, и она сама превратилась в Снегурочку.

Девочка отшатнулась от опасного заколдованного льда. Едва оправившись от шока, она тут же неловко натолкнулась спиной на омерзительные бордово-красные туши с торчащими жёлтыми ребрами. Они качались, неприятно задевая её оголённые руки. Случайный росчерк свечного пламени вдруг выхватил из темноты большую кованую дверь в глубине. К удивлению, та оказалась незапертой...

С металлическим протяжным и печальным скрежетом массивная дверь впустила девочку внутрь. Вдруг она увидела, что из темноты прямо на неё наступает какая-то фигура со свечой в руке. От неожиданности Геля вскрикнула и резко отпрянула. Ей ответило лишь гулкое эхо, а надвигающаяся фигура тоже отскочила назад. Чуть успокоившись, Геля поняла, что на неё двигалось собственное отражение в гигантском квадратном зеркале, от страха девочка не сразу узнала себя.

Комнатка показалась ей обычной, это было тесное квадратное помещение с полностью зеркальной стеной. Огромное зеркало, что так напугало её, располагалось именно там, где по Гелиным расчётам должен быть обнаруженный ею выход в пропасть. Посреди комнатки стоял коротконогий табурет-пуф, будто кто-то ждал её и заранее позаботился, чтобы она присела отдохнуть. Геля не стала сопротивляться жизненному потоку и без лишних размышлений села на мягкий пуфик перед зеркалом.

Она решила, что небольшая передышка ей не помешает, и принялась рассматривать себя в зеркало. Вдруг лицо, освещаемое маленьким пламенем свечи, поплыло, стало вытягиваться, да и вся фигура девочки стремительно менялась. Она в ступоре следила за метаморфозами, происходящими с отражением. Выпучив испуганные глаза, Геля стала судорожно трогать своё лицо, руки, ноги – в реальности она оставалась прежней. Но вот её отражение вовсе перестало слушаться и повторять движения за хозяйкой. Оно без спросу поднялось и стало медленно уходить в зазеркальную глубь.

Геля с нарастающим ужасом следила, как удлиняется силуэт, как растут кудрявые рыжие волосы, что спускались теперь ниже пояса. Это была уже не маленькая девочка, а взрослая женщина. Наконец, жительница зеркального мира перестала расти, вновь повернулась к девочке. Пристально-серьёзно посмотрев ей прямо в глаза, она поманила за собой. Девочка задыхалась и не могла справиться с нервной дрожью. Свеча так сильно дрожала в маленькой руке, что уронила несколько горячих восковых слёз на детскую кожу. Геля, словно потеряв чувствительность, не могла оторвать взгляда от своего повзрослевшего отражения, настойчиво зовущего её в неведомое.

Женщина, не дожидаясь Гели, отворила в своей зеркальной реальности белую дверь, которой в помине не было здесь, в холодном подвале угрюмого замка. Из открытого проёма хлынуло небывало тёплое золотистое освещение. Девочке вдруг очень захотелось туда, в это тепло и свет. Она протянула руку и коснулась зеркальной глади. Та, ставшая мягкой и податливой, словно желе, впустила внутрь сначала её руку, а потом и всю девочку целиком.

Геля успела вбежать в ещё приоткрытую белую дверь. Она очутилась в светлом, показавшемся странно знакомом коридоре. Вот только женщины, которая заманила её сюда, уже нигде не было. Геля оглянулась на чёрный зеркальный квадрат, из которого она только что вышла. За разделительной чертой она увидела оставленный ею сиротливый маленький пуфик: «Ну, я же наверняка смогу в любой момент вернуться обратно, так что бояться мне нечего!»

Первым делом девочка выглянула в окно: «Куда это я вообще попала?» Пейзаж оказался столь нейтральным, что ничего не прояснил. Мягкий сентябрьский вечер, листва на деревьях только-только начала переодеваться в жёлтое. Густые кусты сирени под окнами и вовсе хвастались плотной, по-летнему тёмно-зелёной листвой. Чуть поодаль фрагментарно виднелись какие-то серые дома, но из окон они плохо просматривались. Лишь ветерок запутался в кленовых ветках и притих, словно ожидая чего-то.

Квартира, в которой так неожиданно очутилась Геля, показалась ей маленькой и уютной, особенно в сравнении с серыми холодными каменными залами замка. Ну, подумаешь небольшой коридор с рядом дверей, голубая спальня с облачками на обоях и крохотная кухня, в которой едва ли сможет разминуться пара жильцов. Геля какими-то привычными движениями, почти автоматически налила воду в чайник со свистком и поставила его на огонь. Где хранятся заварка и сахар, она тоже почему-то знала.

«Хоть согреюсь здесь немного, в бело-облачной спальне!» – подумала девочка, когда, напившись вкусного чая с сухариками, забралась под одеяло и тут же сладко заснула на широкой мягкой кровати. Снилось ей, что совсем рядом лежит Саша и, чуть улыбаясь, смотрит ласково-ласково и гладит-гладит её по кудрявой голове.

Разбудил Гелю посреди ночи подозрительный шум, кто-то топал, гремел чашками, чиркал спичками. За окнами была уже глубокая ночь, а в кухне горел свет. Девочка бесшумно выбралась из постели. Стараясь, чтобы старые половицы не скрипели под её ногами, осторожно заглянула в кухню. У раковины спиной к ней стоял он – Саша! Она узнала бы его из тысячи других мужчин, даже сзади, даже по дыханию или по звуку шагов...

– Саша!!! – гортанно вскрикнула обезумевшая от радости девочка, чем заставила мужчину испуганно вздрогнуть.

Не видя ничего от слёз, Геля обхватила его, прижалась и навзрыд зарыдала, дав волю слезам, которые так долго зрели в её страдающем сердечке. Но вместо того чтобы зацеловать её заплаканное личико, сказать что-нибудь смешное и успокаивающее, мужчина схватил девочку железными пальцами за худые плечи и грубо встряхнул:

– Ты кто вообще? Ты как здесь оказалась, чудила б..?!

Внутри у Гели что-то больно ёкнуло. Голос был грубый, не Сашин. Она подняла обезумевшие глаза и только сейчас разглядела, что мужчина действительно, чем-то напоминал Аграновича, но это был совершенно другой, чужой и весьма злой дядька. Неожиданно гнев в его глазах преобразовался в елейный подхалимаж.

– Мать моя женщина! Ангелина Эриковна, да неужто это ж вы?! – незнакомец удивлённо всплеснул руками в синих рисунках, которые даже при близком рассмотрении не прибавляли красоты. Наоборот, казалось, что владельца татуировок сильно избили, оставив на теле потерпевшего синяки разной степени окрашенности.

Геля отошла от странного человека и смотрела на него, не скрывая страха: «Этот тип опасен! Повернуться и убежать назад в замок. Дверь, откуда я вышла, самая последняя в коридоре, я запомнила. Но почему этот неприятный дядька знает меня?»

Меж тем мужчина, продемонстрировал, что он не только знает девочку, но даже осведомлён о её целях лучше, чем она сама. Показывая себя хозяином положения, он повелительно указал Геле на стул:

– Не признал. Прощенья просим, а вы, кажись, помолодели! – не без ехидцы подметил неизвестный, – Присаживайтесь, не стесняйтесь и, как говорится, будьте как дома, – эта фраза, видимо, показалась ему удачной остротой. Он ослабилась, потирая руки, как будто нашёл то, что давно искал или собирался заняться чем-то очень приятным – Это я удачно зашёл! Вы какими судьбами в родные пенаты наведались? Что Сашка ищите? А нашли меня! Дык ведь ещё неизвестно, кто из нас нынче козырнее будет. А?! Пики-kozyри – коки-пизари!

Геля мало что понимала из речи этого сумасшедшего уголовника. Но одно, надо признать, мерзкий тип угадал точно, она действительно надеялась найти здесь Сашу. Меж тем подозрительный тип продолжал свой монолог:

– Что ж вас, Ангелина Эриковна, давно не видно было? Отдыхали, наверное, далече отсель, в замках каких-нибудь, а?!

Незнакомец явно намекал на то, что ему многое о ней известно, но как ни силилась девочка, она не могла вспомнить, кто это. Словно не замечая её озадаченного ступора, мужчина продолжал:

– Ну что, дражайшая тётя Ангелина, как говорится, не будем мутить баланду. Скажу, как есть, напрямки – у нас ведь с вами, знаете ли, имеется одна общая цель. Вы ищите вашего разлюбезного Сашулю, и я тоже его ищу.

Дядька иронично акцентировал слово «тётя». Почему взрослый и даже старый – в глазах восьмилетней девочки – мужик вдруг называет её тётей, было непонятно: «Видимо он знал

меня взрослой женщиной, в той прошлой жизни. Только я его совсем не помню! И отчего он с такой злобной усмешкой произнёс “драгоценного Сашулю?”» Тон речи не оставил сомнения в злонамеренности незнакомца. Он подобно змею-искусителю перешёл на свистящий шёпот и, приобняв девочку за плечи, прошелестел в самое её ухо, будто кто-то мог подслушать их в пустой квартире:

– Есть у нас ещё кое-что объединяющее. Вы ненавидите некую Яну Геннадьевну Стрельцову, и я её, скажем так, недолюбливаю! И верняк, не возражали б стереть её в ноль. Я тоже как раз этого очень даже хочу. Не просто хочу, но и могу реально устроить!

Геле польстило то, что взрослый мужчина обращается к ней на «вы». Она прониклась к нему доверием. И вместе с тем в душе маленькой девочки поднялась волна жгучей ревности, ненависти к Янке, мстительного негодования. Геля впервые за всё время общения с незнакомцем произнесла решительное и уверенное:

– Да!!!

– Держи ландирку¹⁸, цыпа! – протянув девочке конфету, мужчина азартно улыбнулся, обнажив жёлтые прокуренные зубы.

Она больше не боялась неприятного дядьку, он даже стал ей немного симпатичен, ведь, несмотря на татуировки, грубую речь и немые лохмы, он всё-таки чем-то хоть и чуть-чуть, но напоминал ей любимого Аграновича.

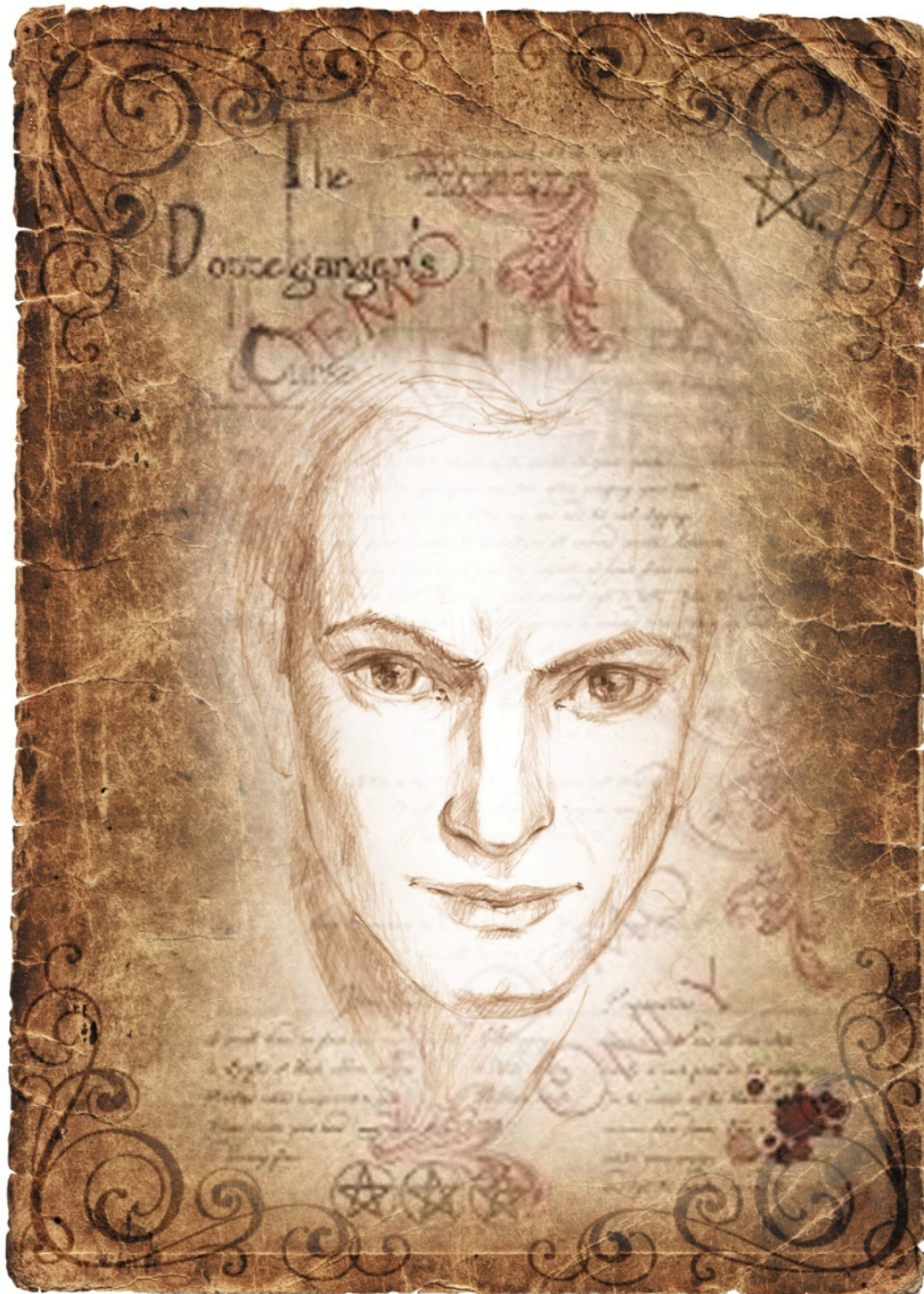
Пещера горгуля Агра могла на первый взгляд показаться аскетичной и неухоженной. Спальное место больше напоминало гнездо, свитое из разноразмерных шкур. Огарок свечи уже успел залить жёлтыми восковыми слезами небольшой каменный выступ, на котором крепился, а рядом лежали (неожиданно!) очки с узкими прямоугольными стёклами. Станным и противоречивым был подбор литературы, утешавший и питающий интеллект молодого крупнорогатого демона ночи: «Останкинские истории»¹⁹, «Технология масляной живописи», «Самоучитель игры на флейте пимак»²⁰. Большое, обложенное камнями костровище и заготовленные дрова, аккуратно сложенные поленницей у стены, словно в дровянике у деревенской избы.

---

¹⁸ Ландирки (уголови. жарг.) – конфеты в фантиках

¹⁹ «Останкинские истории», «Аптекарь», «Альтист Данилов» – произведения Владимира Орлова. Владимир Викторович Орлов (31 августа 1936, Москва – 5 августа 2014, там же) – русский писатель-прозаик, сценарист. «Останкинские истории» – цикл из трёх его романов и одного рассказа. Включает следующие произведения: рассказ «Что-то зазвенело», романы «Альтист Данилов», «Аптекарь», «Шеврикука, или Любовь к привидению»

²⁰ Пимак – деревянный духовой инструмент, флейта индейцев Северной Америки с ровным, мягким, красивым звучанием. Сыграть на нём что-то громкое и бравурное не получится – этот инструмент предназначен для исполнения нежных мелодий, отлично подходящих для медитации. Имя флейте пимак подарил одно из североамериканских индейских племён. Впрочем, на родине её зовут более романтично – «любовная флейта». Согласно местным традициям, этот инструмент берут в руки юноши, которые хотят поведать избраннице о своих чувствах, – получается своеобразный вариант серенады для любимой. Тональность подходящая – индейский пимак отличает минорное, исключительно мягкое звучание

Горгул, недавно поселившийся в этой пещере, неохотно шёл на контакт с соплеменниками и слыл неразговорчивым букой. Да и немудрено, ведь развоплощение иноборца в горгулы – страшное наказание. «Видимо, тот ещё бандюга, – судачили про соседа сплетницы-горгульи. – Ну, ничего-ничего, скоро он оперится, закончится его «переходный возраст», станет настоящим горгулом, пройдёт обряд инициации, тогда посмотрим! Прибьётся к своей стае как миленький».

Молодой горгуль Агр любил, сидя на косогоре, наигрывать простенькие мелодии при свете луны. Обживал свою пещеру, разрисовывая её узорами, загадочными символами, но чаще всего в его наскальной живописи появлялся портрет белокурой девушки, очень задумчивой и даже грустной. В последнее время, когда его крылья стали большими и сильными, он летал высоко в ночном небе и, поговаривают, пел какие-то неизвестные местным обитателям тягучие мучительно-печальные песни. Был вежлив и угрюм. Но постепенно привыкал к своей новой «квартире», новому образу жизни и к другому себе.

Явление Тёмного Императора

Свой саван накинул век,

Как глаз прикрывает веко.

Часы замедляют бег –

Ждут чёрного человека...

Некоторое время назад, когда ещё не приключилась эта ужасная напасть с исчезновением Лёнчика, приснился Янке необыкновенный сон, может даже претендующий стать настоящим пророчеством, настолько всё ярко и явственно было в нём. Сон так поразил девушку, что она решила записать его в дневник и дала своей записи название «Явление Тёмного Императора». С недавнего времени она вообще стала очень внимательно относиться к снам и к разного рода знакам, которыми пытается с нами контактировать Большое Нечто, может, подсолнечник, а может, и сама Грань.

Приснилось ей, что заходит она в Сашину квартиру – старый проверенный портал в иные миры. Идёт по длинному коридору с рядом дверей, припоминая, что не так давно заглядывала в них. За каждой дверью ей открывался символический мир, который отображал определяющие стороны личностей её друзей-однокурсников. Вот за этой обшарпанной серой дверью скрывалась пёстрая содомия Шмындрика, а вон за той, столь же серой и обветшалой, открылась, помнится, удивительная реанимация Талдыбая, где ему, болезному, вместо лекарства вливали через капельницу что-то спиртосодержащее, а белокожие полнозады санитарки без усталости стирали бесконечное бельё, услаждая влажный азиатский взор господина.

И вот среди обляпанных тысячами грязных пальцев выдавших виды дверей Янка вдруг заприметила одну свежеекрасшенную, чистую, ещё дышащую краской. Она, не думая ни о чём, тихонько толкнула её и оказалась вдруг на широком проспекте родного города. Обычно по этой трассе гнали большегрузные фуры в обход центральных улиц, но нынче тут царила какая-то оглушительная, ненормальная тишина. Казалось, что даже ни единый лист не трепещет на дереве.

Стояло невероятное марево, от которого голова наливалась тяжестью. Безжалостное солнце жгло в полную силу, слепило глаза и оплавляло видимые контуры. На проспекте не было ни души. Лишь Янка застыла в густой тёмно-синей тени дома. Послышался неясный дальний гул. Картинка дрогнула и тут же встала на место.

Вдруг словно откуда-то сверху враз ударили тысячи барабанов, загалдели крикливые самаркандские карнай²¹. И, казалось, само небо вздрогнуло и съёжилось в испуге от внезапной волны громких звуков, будто вся земля затрепетала перед надвигающейся бедой. «Вот же

---

²¹ Карнай – медный духовой музыкальный инструмент в странах Средней Азии, Иране и Казахстане. Это медная труба, приблизительная длина 4-5 метров, основание которой расширено

Иерихонская труба! Сейчас или перепонки лопнут, или город рухнет!» – подумалось Янке. Вдали показался странный кортеж.

Впереди флагманом плыл раритетный автомобиль «Победа». Позади тёмно-зелёными тучами возвышались над ним металлические махины невероятно раздутых бронетранспортёров. Так что автомобильчик казался на их фоне совсем крохотным. Колоссальные машины-горы как бы говорили нам, что короля делает именно свита, каким бы мелким не был этот самый король. Кортеж двигался гигантским треугольником. Вершиной его был автомобиль императора, за ним два чёрных бронетранспортёра, за которыми четыре, а затем шесть... больше шестиполосная дорога вместить в себя просто не могла. Поэтому за последними автогигантами летели чёрные вертолёты.

Но самое потрясающее зрелище происходило перед кортежем. С противоположной стороны улицы на дорогу выбежали сотни совершенно одинаковых бритых наголо мужчин. Они пошли перед автомобилем, выделявая нехитрые упражнения и танцевальные па. Сначала Янка подумала, что те одеты в тонкие обтягивающие трико. Но заметив ритмичные колыхания в области паха, поняла: атлеты совершенно обнажены, а их тела просто-напросто раскрашены, как выяснилось позже, не под светофор, а в цвета национального флага Конго. Верхние части туловищ были травянисто-зелёными. По диагонали, под вид праздничных лент, которыми украшают себя выпускники школ и свадебные свидетели, фигуры делили ярко-жёлтые полосы. Ноги же и область таза физкультурников были пурпурно-красными, отчего их гениталии приобрели особенно нездоровый вид.

В руках они держали плохо обтёсанные клюшки, сделанные столь грубо и неумело, что даже подумать было бы нелепо, будто такими дровами можно играть в настоящий хоккей. Тем не менее атлеты выделяли ими настоящие чудеса, они то одновременно поднимали их вверх, то принимались сооружать из них шаткие композиции, не лишённые, однако, определённой выдумки и изящества.

Атлеты по свистку делали незамысловатые упражнения, подобно механическим игрушкам, и в конце каждого комплекса непременно падали навзничь на грязный и, вероятно, раскалённый асфальт. Янка стояла неподвижно в густой тени, словно слившись со стеной дома. Интуитивно она понимала, что как только её присутствие будет раскрыто, – ей конец. Как завожжённая, она не могла оторвать застывших глаз от странного абсурдного действия, творившегося перед ней на обычной улице её заштатного провинциального городка. Кто-то слишком зловещий и великий нагрянул сюда, и поэтому привычный уютный мирок будет непременно раздавлен, это было уже очевидно. Как бы в подтверждение невесёлых мыслей одинаковые лысые голыши вдруг стали укладываться посередине шоссе, образуя дорогу, выложенную из живых тел. Улеглись они, как сказала бы бабушка, валетом – там, где у одного была голова, у другого были ноги и так далее.

Автомобиль императора хоть и ехал на черепашьей скорости, но, однако доплыл до первого лежащего и, нисколечко не притормозив, заехал бедняге на голову. Раздался тихий хруст, и асфальт обагрился бордовыми и серыми брызгами.

Слабые стоны.

Хруст ломаемых костей.

Щепки искорёженных клюшек.

Кровавые ручейки вдоль обочины.

Конвульсивные трепыхания раздавленной плоти.

Страдальцы меж тем не проявляли никаких эмоций и тем более, не предпринимали попыток спастись, видимо, они понимали – это бесполезно, заранее зная, что обречены. Но почему же они так старались перед неминуемой смертью делать красивые точные движения, слаженность которых, понятное дело, была достижима лишь многочасовыми упорными трени-

ровками. Зачем?! Неужели всё это только для того чтобы угодить бездушному убийце в чёрном автомобиле?

Ей хотелось выпрыгнуть из тени в слепящий жаркий свет, закричать вандалу в чёрном авто, что он убийца, и вовсе никакой не император, а самый настоящий изувер и говнюк. Но она стояла, парализованная омерзительным зрелищем, очумело наблюдая, как под колёсами безжалостной машины попеременно то лопаются людские головы, то ломаются красивые накаченные спортивные ноги.

Автомобиль поравнялся с Янкой. Её обдало волной ледяного ужаса. А вдруг он заметит и убьёт её так же бесчеловечно и просто, как едет теперь по живым людям, превращая их кровавую кашу на дороге. В блестящей лобастой «Волге» за тёмными тонированными полуоткрытыми окнами Янка разглядела профиль Самого Императора. Он показался ей очень знакомым, но она никак не могла вспомнить, где и когда она видела его раньше. Удивило ещё и то, что сам император сидел на пассажирском сидении, а за рулём не было водителя. Там просто не было никого!

Янка слышала слабые стоны, хруст ломающихся костей и деревянных клюшек. Но дальше началось самое страшное. Гигантская механическая армада, что двигалась за головным автомобилем, стала давить мёртвых и ещё живых, покрывая трассу кипящим кроваво-костным месивом, где у пострадавших не было ни единого шанса выжить.

Не выдержав ужасного зрелища, Янка зажала глаза ладонями и истошно заорала, но не услышала собственного голоса. Крик, который должен был вылетать из горла почему-то, словно завяз в густом желе раскалённого тяжёлого затхлого воздуха. Вовремя одумавшись, звук повернул и вернулся назад в глотку, тем самым выказав гораздо больше осмотрительности и интеллекта, чем организм, вытолкнувший его наружу.

Жуткий автомобиль медленно проплыл мимо. Янка уже хотела с облегчением выдохнуть. Как вдруг «Победа» остановилась, дверь со стороны несуществующего водителя открылась, как бы приглашая её внутрь. Вся гигантская механическая армада так же прекратила движение и застыла в ожидании. Янка в ужасе вжалась в стену. Сердце испуганно трепыхалось где-то в горле.

Наконец, не выдержав томительного ожидания, люк ближайшего БТР открылся и оттуда высунулся потный мордovorot. Презрительно глянув на Янку, он коротко приказал, кивнув в сторону зловещей «Победы»:

– Иди!

– Нет! Нет! – захлёбываясь истерикой, закричала в ответ Янка. – Вы давите людей! Изверги! Живых людей своими машинами!

Амбал искренне удивился, округлив бесцветные глазёнки:

– Каких ещё людей?! Ты где тут ваше людей увидела?! Протри прицел! Это ж пластилин!

Янка ошалело опустила глаза и только теперь увидела, что под массивными колёсами вместо чавкающего мясного фарша раздавленных человеческих тел растекается тягучая ярко-зелёная субстанция. Казалось, будто на дорогу выплеснули тонны расплавленной жвачки, окрашенной дешёвым ядовитым красителем.

На мягких от страха ногах девушка попятилась вдоль стены, завернула за угол дома. Вслед ей нёсся трубный возглас, преумноженный сотнями злых голосов: «Грядёт новый великий Тёмный колдун! Тебе не скрыться!» Эти страшные слова оглушили и словно придавили Янку к земле. На грани помутнения рассудка она ввалилась в первую попавшуюся дверь чужого подъезда и чудесным образом оказалась в сумрачной прохладе Сашиной квартиры.

Опасный незнакомец

Нам невдомёк и всё потеха,

*Что мы с рождения под небом,
Безжалостным и вечным небом,
Где суть незрима, путь неведом.*

Чего хотели? Копошились.

Кидали семя, поливали.

Всегда надеялись на милость,

А ближе к краю – испугались...

Игорь Гвоздев каждый вечер взял за правило провожать Янку после занятий до дома. Это превратилось у него в такую же обязательную процедуру, как чистить зубы и отжиматься по утрам. Обычно он ждал подругу на лавочке возле входа в художественное училище. Каждый раз, когда дверь этого странного учебного заведения открывалась, парня обдавало характерным запахом краски и скипидара, хотя находился он в шагах двадцати от входа. «Как там можно учиться в такой вонище? – удивлялся юноша, – Да если постоянно дышать таким амбре, то у любого крыша съедет».

Всё чаще Игорь ловил себя на крамольной, как ему мнилось, мысли: хоть бы Янка и сегодня шла домой вместе с Большой Матерью. Это желание он гнал от себя, но постоянно снова неизменно возвращался к тому же. Действительно, идти до Янкиного дома вместе с Большой Матерью было гораздо веселее и радостнее, чем без неё. Теперь он знал, что эту добрую статную хохотушку зовут Оксана. Парень отметил однажды, что если они идут втроём, то время летит намного быстрее.

Наедине с Янкой возникала некая натянутость и недосказанность. Камнем преткновения стали её постоянные вопросы о том, помнит ли он, что происходило с ним, когда он лежал в коме после аварии. Обычно всё начиналось с пристальных заглядываний в его лицо, словно она искала на нём признаки тяжкого заболевания. Потом начиналось извечное: «Нам необходимо серьёзно поговорить. Ну, постарайся вспомнить! Ты очнулся, но не в реанимации. А где? Помнишь, синие горы, фиолетовую пещеру? Мы ещё с тобой были на высокой башне? Там всё такое однотонное светло-бежевое, как охра золотистая в разбеле, и горячий ветер гоняет маленькие песчаные вихри. Ну? К нам ещё парочка странная подкатила. Она – стройняшка такая, но фифа с характером, короче, дёрганная, а он – араб томный, красивый, весь в белом. Припоминаешь?!» Но Игорь не хотел ничего вспоминать, особенно то, что было связано с той глупой аварией, когда его сбил ненормальный мотоциклист. Наверняка обкуренный был.

Парня интересовало только одно: как и когда он успел рассказать Янке этот свой необычайно яркий удивительный сон. И почему девушка вбила себе в голову, что и она была в этом сне вместе с ним. Он не желал развивать эту тему. Точнее, боялся столкнуться с откровенным бредом больной шизофренички. Игорь и жалел её и не хотел признавать того, что его девушка всё-таки серьёзно больна и больна неизлечимо. Парень всячески гнал от себя это страшное знание. Но, когда Янка начинала навязчиво, с какой-то судорожной маниакальной настойчивостью выводить его на неприятную тему о каком-то глупом, ничего не значащем сне, он видел явные признаки безумия. И тогда был близок к отчаянию.

Но ничего этого не грозило, если с ними вместе шла Большая Мать. Правда, она потом сворачивала на свою улицу, и остаток пути пара шла молча. Но всё равно это были лучшие моменты дня. Девушки обсуждали одноклассников, хохотали, кого-то изображали. От их весёлой суматохи Игорю становилось весело, и появлялась надежда, что все проблемы, в том числе и Янкина болезнь, уйдут куда-то сами собой.

Зачем он только сболтнул Янке про тот дурацкий сон? Она же вцепилась в эту оплошность, мучая его и тревожа свой притаившийся недуг.

Однако растревоженный постоянными допросами девушки Игорь наедине с самим собой пытался припомнить, что же на самом деле он видел тогда в том коматозном забытии. Душа сжималась и начинала метаться, и мнилось бедному парню, будто он внутри белого кокона, словно цыплёнок в яйце. Да вот только разорвать, разбить эту скорлупу нет возможности. Он колотит в неё изо всех сил. Мягкая, как войлок, она не поддаётся, лишь слегка деформируясь от ударов, а чуть заметные ямки потом вновь распрямляются. Чувство отчаяния и обречённости. Словно подвесил его Господь на ниточке, а рука Его всесильная, громадная, величиной с небо, играя может отпустить эту тонкую нить в любой момент.

Да ещё апатия, не свойственная деятельной Гвоздевской натуре, некая бессмысленная пустота возникала в душе, которая ему почему-то нравилась и казалась желанной. И тогда начинали кружить перед его внутренним взором маленькие светлые вихри горячего песка на теплой цвета слоновой кости пустынной площади. Он словно раскачивался в своём мягком коконе, точно зная, что под ним далеко внизу тянутся голубые, синие и бирюзовые горы и что нет в этом волшебном пространстве ни верха, ни низа, и с ним ничего не может случиться, потому что всё уже случилось...

Игорь гнал от себя мысли о том видении, но чем сильнее он хотел от него избавиться, тем неотвязнее оно преследовало его. Воспоминания приносили с собой необъяснимое чувство, будто он – это уже и не он, а какой-то совершенно другой человек, вовсе не Игорь Гвоздев – спортсмен и отличник, оптимист и просто хороший парень, а некто или даже нечто неопределённое. Может даже, именно он и есть – что только этот горячий ветер, гоняющий блестящие песчинки по тёплой шероховатой плоскости.

Его медитативный транс, в который он впал незаметно для самого себя, был прерван щебетанием стайки девушек, которые выпорхнули из училищных дверей, видимо, пользуясь переменкой, чтобы отдышаться от летучих испарений лаков и пинена. Среди девушек была и Янка. Парень окликнул её. Но она была слишком увлечена весёлой беседой с подругами и не услышала даже тогда, когда Игорь окликнул ещё раз.

Положение, как всегда, спасла Большая Мать, заметив юношу, она дёрнула Янку за рукав и указала на парня. Янка подошла, не слишком-то охотно, как с горечью отметил про себя Игорь, да ещё как-то нервно подхихатывая и оглядываясь на подруг, словно стеснялась его присутствия. После холодноватого дежурного приветствия она сообщила:

– Знаешь, а ты зря пришёл. Мы тут решили вместе с дизайнерками вечерний рисунок замутить, а потом уже поздно будет домой тащиться, и мы с Мамой договорились у девочек в общаге переночевать. Так что...

– А мне позвонить? В голову не пришло?

– Ну, извини. Это вообще только сейчас выяснилось... Мы тут буквально на пару секунд курнуть вышли.

Игорь невольно поморщился, и по его лицу пробежала брезгливая тень. Это не скрылось от Янки:

– Ой, знаю-знаю: ЗОЖ, диета, качалка, и всё такое. Ну я побежала, а то времени в обрез.

Молодой человек с досадой проводил взглядом удаляющуюся Янку, что присоединилась к компании подружек в чёрных халатах, и задержался на ладной крупной фигуре Большой Матери. Как бы извиняясь за не очень-то вежливое Янкино поведение, Большая Мать смущённо пожала плечами и махнула ему на прощание. «Эх, и почему я не влюбился в такую приятную девушку, как Оксана. Горя бы сейчас не знал!» – подумал парень и повернул со двора.

Он уходил прочь, опустив голову. Вдруг увидел смятый окурок на краю лужи. Странно, окурок остался сухим и продолжал дымить, хотя вокруг была влажная земля. Он выпускал из себя две седые ниточки дыма, словно протестуя против безжалостной судьбы: «Я хочу жить!

Я ещё не до конца исполнил своё предназначение, а вы выбросили меня!» Игорь замер на месте и несколько секунд не мог оторвать взгляд от окурка-бунтаря. Не дождавшись момента окончательного затухания, он вдавил его носком кроссовка в сырую грязь и, неопределённо хмыкнув, двинулся дальше.

Шагая по проспекту не солоно хлебавши, Гвоздев не заметил, как слева от него чуть позади пристроился какой-то неизвестный тип. Игорь шёл уже довольно долго, а незнакомец не отставал. В душе у парня разбушевались тягостные чувства – беспокойства и почему-то растерянности. И как ни странно, виной усилившегося раздрая являлась отнюдь не беспечная возлюбленная, а именно преследователь, в этом не было никакого сомнения. «Надо повернуться и прямо спросить, эй, чего тебе, мол, надо от меня? Проспект широкий, иди себе подальше. А может, ты из этих... из стилистов?»

Их совместное движение продолжалось. Раздражение нарастало. Становилось понятно, что человек следует за ним намеренно. Когда Игорь решил всё-таки вступить в неприятный контакт с субъектом и посоветовать ему шуровать подальше, то просто не смог этого сделать. Голова не поворачивалась. Язык стал деревянным. Всё, что оставалось Гвоздеву, это видеть приставучего чужака боковым зрением.

Гвоздев с нарастающим ужасом понимал, что идёт по каким-то неведомым улицам частного сектора, где он никогда в своей жизни не был, да и, в общем-то, не собирался туда идти. Жутковато было осознавать, что полностью находишься во власти наглеца. Именно тот направлял его, вёл, как собаку, на невидимом поводке, оставаясь чуть позади, так что даже рассмотреть его как следует Игорь не мог. «Какой-то серый чел, волосы тоже вроде бы серые. Одет невзрачно, да и ростом пониже меня. Как он это делает? Куда ведёт, и что ему вообще от меня нужно?!» Меж тем, их странный дуэт удалялся от жилых кварталов. Они уже шли по тропинке, петляющей среди густого запущенного парка. И хоть Игорь совсем недавно поселился в городе, но и он прекрасно знал, что этот парк выходит на крутой берег реки.

Вскоре его самые страшные предположения оправдались. Они вышли на косогор, продуваемый со всех сторон. Перед ними раскинулась захватывающая дух панорама. Изгиб широкой реки с крошечным белым катерком внизу, разрезающим свинцовую воду. На противоположном берегу ещё зелёный, не помеченный осенней охрой густой ивняк. Если не знать, что дело происходит в Сибири, можно принять непролазные заросли над водной рябью цвета хаки за разливы загадочной Амазонии. Здесь с высоты земля казалась прекрасным бархатным покрывалом, искусно вышитым изумрудной шёлковой нитью. Чем ближе к горизонту, тем голубее и прозрачнее становились мягкие холмы, сливаясь вдали с небом в едва различимую бирюзовую полосу на горизонте.

Вдруг среди этой земной красоты Игорь ясно осознал жуткий план серого незнакомца. Он, казалось, набирал разбег и ноги Гвоздева повинуюсь злонамеренному кукловоду тоже зашагали быстрее. «Вот что! Он хочет сбросить меня с обрыва! Там внизу острые обломки бетонных плит заброшенного причала, покинутые ржавые буксиры. Если он меня скинет, то тогда уже не выжить!» – от страшной догадки парня бросило в жар, а по спине потёк противный холодный ручеек. Он больше не озадачивался вопросом «как», всё меркло перед одной лишь задачей – выжить!

Игорь напряг все силы, сопротивляясь чужой воле. От напряжения на шее вздыбились голубые вены, в висках застучало. И ему даже удалось притормозить движение, но, тем не менее, хоть и маленькими шажками паралитика несчастный всё равно неотступно приближался к краю. Неимоверными усилиями Игорю удалось разжать рот. Он почувствовал себя раненным зверем, попавшим в смертоносный капкан. Из последних сил пленник смог прохрипеть только одно слово: «Отпусти!» И тут же почувствовал, как ослабла вражья хватка. Злоумышленник остался стоять позади, а Игорь по-прежнему не мог повернуть головы.

– Ты что же, видишь меня? – казалось, в голосе незнакомца прозвучало искреннее удивление.

– Конечно, – только и смог прошептать Игорь и повалился без сил на самом краю опасной кручи.

– А-ахренеть! – возмутился злодей. – Так значит, ты у нас успел узреть Грань! Ах ты, фраер на катушках²²! И откуда ты такой вылез! Шибко не радуйся, что ты меня измотал сёдня подчистую. Я тя ещё достану, ушлёпок!

С этими словами опасный чародей поспешно удалился восвояси. Игорь отполз от пропасти и остался лежать на сухой траве, раскинув руки. Он не заметил, как солнце упало на горизонт. Казалось, само время взбесилось и понеслось, как ветер. Облака в темнеющем небе плыли не с обычной скоростью, а будто медузы, подхваченные водным потоком, колыхаясь и меняя очертания.

У парня пошла носом кровь, благо носовой платок оказался в кармане. К трамвайным путям он выбрался только за полночь. Общественный транспорт уже не ходил, а денег на такси не хватало. Пришлось долго шагать до общаги по ночному городу. Ноги были непривычно тяжёлыми, голова трещала, а главное, на душе было муторно. Мерзкий унижительный страх упорным молотом крушил твердыню его самоуверенности. «Ну допустим, этот урод обладает каким-то сверхсильным гипнозом. Но почему он решил оттачивать свои преступные наклонности именно на мне? И почему не довёл задуманное до конца? Чего-то барагозил? Про какие-то грани. Узрел? Что за слово идиотское – узрел, как из анимэшек или фэнтези про средневековых магов?»

Игорь не мог ответить ни на один вопрос, но подсознательно, где-то там, в глубине души, он был уверен, что это сегодняшнее происшествие случилось с ним именно из-за Янки. Потому что всё самое неожиданное, загадочное, необъяснимое случалось в его жизни только по её вине. И если раньше он не мог понять, радоваться этому или огорчаться, то после столь невероятного покушения, когда он чудом остался жив, парень чётко для себя решил, что хочет жить нормальной, обычной знакомой жизнью, где он победитель, любимец педагогов, и всех девчонок с курса, а не подопытный кролик доморощенного экстрасенса-психопата.

Из круглого серебряного блюда луны по атласной небесной скатерти щедро рассыпался звёздный рис. Глубокий космос таинственно мерцал молочным перламутром. Вдруг одна блестящая рисинка неожиданно сорвалась и, оставив на чернильно-синем фоне короткий росчерк, исчезла в неведомой дали.

Но Игоря не восхищало это непостижимое прекрасное небо, не внушала надежд упавшая звезда, у него не осталось больше сил чему-либо удивляться. Единственно, что парень осознал сейчас очень ясно, так это то, что не хочет больше никаких загадок, таинственных незнакомцев, неопознанных летающих объектов и вообще ничего необычного. А желает он спокойно учиться, строить карьеру, открыть в будущем своё турагентство, построить крепкую семью и завести детей с хорошей нормальной женщиной, без всяких там странностей и закидонов.

Сияющие следы

Время в эту ночь непунктуально.

Мягкой жвачкой тянутся часы.

В этой непривычно тихой спальне

Не имеет выбора мой сын.

---

²² Фраер на катушках (уголовн. жарг.) – бойкий молодой человек. Фраер (также фрайер) – слово из уголовного жаргона (блатного), перешедшее в широко употребляемое, основным значением которого является человек, не имеющий отношения к блатному миру, чужой для уголовной среды.

Вот игрушки ряд осиротевший,

Книжек небывало ровный строй.

Стала, как без ядрышка орешек,

Комната нелепой скорлупой...

Янка зашла в беленький дом в совершенно ошарашенном состоянии, поглядывая на свою руку, на которой без всякого на то спроса поселилась оживающая временами трясогузка. Бабуля, не подозревая, какие удивительные дела творятся в родном огороде, сидела на маленьком табурете и чистила картошку. Янка, эмоционально жестикулируя, рассказала бабушке о визите синего медведя и показала нарисованную на руке птицу, которая, словно подтверждая каждое слово, кивала маленькой головкой в знак согласия.

Девушка, конечно, догадывалась, что бабуля может немного всполошиться, узнав о том, что их забор чуть не развалил невесть откуда взявшийся зверь. Ожидала она и того, что бабушка, по своему обыкновению, сначала всплеснёт руками, а потом объяснит, что это, мол, обычное дело в здешних краях и потом ещё долго будет вспоминать и подшучивать над ситуацией. Но в этот раз всё получилось по-другому. Старушка бросила картошку, а это сигнализировало о наивысшем уровне тревоги. Она не могла найти себе места, как заведённая стала ходить по комнатам, причитая: «Ой, да что ж это за напасти на нас идут!» Бабушка то не могла найти очки, потом долго перебирала какие-то книги, а после принесла припрятанный в одной из многочисленных кладовых маленький кованный, совершенно сказочный сундучок.

Глядя на то, как взволнована бабушка, Янке тоже встревожилась. Она принялась перебирать в голове логичные объяснения вторжения хищника, и на ум ей прошло самое страшное:

– Неужели это синий монстр вернулся? Тот самый Ражье, которого мы законопатили в прошлом году в бездонный колодец. Скажи, бабуль, это он?!

Но та не спешила делать выводы, вместо ответа она мелко потрясла в воздухе ладонью, как бы говоря, отстань, дай собраться с мыслями. Долго что-то искала в сказочном антикварном сундучке, наконец, нашла перетянутую резинкой небольшую записную книжку с прикреплённым к ней верёвочкой химическим карандашом. С одной стороны карандаш был карминово-красным, с другой сине-фиолетовым, причём синей осталось гораздо меньше. Присев за стол напротив внучки, бабушка, на удивление спокойным голосом, повела:

– Это, конечно, никакой был не Ражье, а пока лишь предупреждение о нём. И предупреждение серьёзное. Ты как дома окажешься, то пойдешь к тётке Розе, пусть она тебе на своих картах заговорённых разложит, может, чего получше меня разъяснит.

– А кто нас предупреждает? Саша? – с надеждой предположила Янка.

– Неет, не до того ему щас, – отмахнулась бабушка, – я вот думаю, папа это твой о тебе душу рвёт, беспокоится, что аж из страшного места к тебе фантома шлёт. Был у него костюм в детстве новогодний – мишка. Не было тогда ткани подходящей, вот я из своей синей плюшевой кацавейки ему и сшила. Так он ещё и самый нарядный на школьном вечере был! – бабушка улыбнулась своим мыслям, вспомнив дорогие сердцу моменты жизни. – Это он, сыночек мой. Вот нутром чувую, что он. Что-то затевает синий монстр, это точно, связано тут всё. Не зря медведь так по-звериному в наш двор рвался. А она, птичка эта – самое главное, это как твой, ну типа, смарафон²³, для связи.

– Ну, допустим, это предупреждение о синем монстре, – согласилась внучка, – но зачем мне нужно это птичье средство связи, когда я и так сюда спокойно прихожу. Да я здесь с тобой даже больше времени провожу, чем дома.

– Трясогусочка не зря образовалась. Не знаю, что должно произойти, но раз тебе даровали её, знать, в скором времени понадобится. А почему я ещё думаю, что она от папы, то

²³ Смарафон – здесь, смартфон (прим. ред.)

дружил твой папа Гена в молодости с трясогузкой. Все соседи удивлялись. Пойдёт он бывалча огород копать или грядочки мне изладить, а она уж тут как тут. Ходит рядужком, а хвостик вверх-вниз. Он шутил ещё, вот, мол, какая у меня помощница. Смотри, она ведь может и подсказать чего. Спросишь у неё совета и гляди на хвостик, вверх означает «да», а вниз – «нет». Но этого маловато, конечно. Так что, на-ка вот, бери, – с этими словами бабушка протянула внучке записную книжку с химическим карандашом, – если что спросить у Грани захочешь, то пиши мне синим карандашиком, а ежели что-то уж совсем экстренное случится, то красным. Можешь и мне сообщение отправить, тогда уж оно меня и посреди ноченьки разбудит, и в подполе найдёт.

Девушка специально не стала расспрашивать про возлюбленного Сашу, который упорно не желал с ней общаться и вообще не давал о себе знать. Хотя от её внимания не ускользнул бабушкин намёк, что он там чем-то слишком важным занят. Обсуждать это бабушка с ней не хотела. Говорила одно и то же – ушёл куда-то, а куда – не знаю. Но видимо, она знала больше, чем говорила.

Янка строила догадки, одна ужаснее другой. Самой гадкой её фантазией была свадьба Саши с ненавистной малявкой Гелей. От этих дум сердце болезненно сжимали железные тиски. «Тиски тоски!» – горько усмехнулась девушка и взяла бабушкин подарок. На первый взгляд, это была обычная старая записная книжка с пожелтевшими листами в косую линейку, как для первоклассников. Но вот её обложка была примечательной, сделанной из шкуры какой-то крупной рептилии, коричневой с зелёным отливом. «Крокодила, что-ли, угробили?» – подумала девушка, разглядывая переплёт. Открыв блокнот наугад, она с удивлением увидела, как каллиграфическим почерком на листе сам собой выписывается ответ: «Обложка изготовлена из шкуры молодого Песчаного Дракона в магической мастерской магистра Фалькореля Младшего. Нижняя Нормандия, 1968 год».

Пользуясь великой осведомлённостью замечательного творения мастерской Фалькореля, Янка решила спросить, что же происходит с любимым и где же, в конце концов, находится Саша. Однако на странице выписалось равнодушно: «Информация закрыта». Понятно, как в Интернете, вроде про всё на свете знает, а как нужно до зарезу что-нибудь конкретное спросить, так всякую фигню выдаёт. Решив поиграть с волшебной книжицей, она написала: «Что сейчас происходит?» И получила моментальный ответ: «Беда. Тебя ищет мать! Срочно возвращайся домой!»

Решив зря не пугать бабушку, Янка не стала ей зачитывать тревожный призыв. Потому как, хорошо изучив характер мамы Иры, девушка знала, бедой и поводом для её истерики мог стать любой пустяк: не поставленный, как следует, стул или не убранная на место посуда. Поэтому, поцеловав бабулю, внучка привычно телепортировалась с помощью перстня, как делала это в последнее время.

Умный перстень всегда выбирал для переброски в реальность самое близкое к задуманному пункту безлюдное место. Но к огромному и неприятному Янкиному удивлению, она оказалась не в коридорчике перед квартирой, не в подъезде, не в собственном дворе, а рядом с автобусной остановкой, довольно далеко от дома.

Благо автобус подошёл быстро, в нём девушке предстояло проехать несколько остановок. Впереди неё сидела взрослая дама со своей престарелой матерью, которую та, судя по их диалогу, везла домой из больницы. Всю дорогу они щебетали без умолку. Что-то вспоминали, чему-то смеялись. Глядя на эту парочку, Янка с горечью подумала, что она, наверное, за всю свою жизнь не перекинулась с мамой Ирой таким количеством добрых слов, сколько щедро выливали друг на друга эти счастливые женщины.

Как только заработал смартфон, который на Грани всегда хранил молчание и был там предметом практически бесполезным, Янка увидела множество пропущенных от мамы Иры звонков. Да что же у неё там стряслось-то? Пожар что ли?

Янка бежала к дому почти бегом. Уже на подходе к подъезду очередной требовательный звонок мамы Иры заставил Янку взять трубку. Но девушка впервые в жизни не узнала мамин голос, она говорила каким-то бесцветным чужим голосом:

– Доча, у нас беда... Лёнчик пропал... его, наверное, украли...

Рядом с домом стояли автомобили полиции и скорой помощи. Теперь Янка догадывалась, кто вызвал все эти службы. Дверь в подъезд была открыта и подпёрта обломком кирпича. Не только в квартире, но и на лестничной площадке сновали чужие люди. В комнате стоял густой запах корвалола. Мама Ира сидела за столом с аппаратом для измерения давления на руке. На её сером чужом лице застыло такое выражение, которое можно отнести к полному отчаянию на грани помешательства.

От любезного и симпатичного полицейского Янка узнала мамину версию о пропаже брата непосредственно из запертой ванной комнаты. Она сразу поняла, что именно об этом её пытался предупредить синий медведь и без вмешательства жителей Грани здесь не обошлось. Ну что ей оставалось ответить на это обескураженному служивому? Она усмехнулась, сказав, что проблема скорее в маме, нежели в Лёнчике. А сама поспешно направилась в ванную.

Там на первый невзыскательный взгляд всё было, как обычно, разве что небольшой нехарактерный беспорядок. Видимо, мама Ира в отчаянии бушевала. Прикрыв за собой дверь, Янка напряглась и не без труда (виной тому – волнение!), включила своё второе зрение. Под магическим прицелом второго зрения девушке открылась ужасающая картина.

Вся кафельная плитка была покрыта сверкающими следами колдовского вмешательства. Полоски от пальцев, следы ног на полу мерцали голубоватым неоновым сиянием, испаряясь дымными завитками, какие появляются над стаканом горячего чая, разлитого на морозе. Янка услышала эхо сдавленного крика Лёнчика. Перед её мысленным взором пронеслось вторжение невидимого зла. Мальчику зажали рот. Он стал отчаянно сопротивляться, пытался схватиться за бортик ванной, однако то жестокое и невидимое нечто было гораздо сильнее.

Янка, к своему удивлению, даже немного успокоилась, узнав о вторжении. Теперь не страх и растерянность, а праведный гнев клокотал в её груди. Как гончая перед охотой, она чувствовала азарт погони. Видимо, папин синий медведь всё-таки изображал мерзкую тварь – Ражье. Только ему под силу сотворить такое. Да и мотив преступника, ежели уж изъясняться юридическим языком, понятен – месть! Ну, что ж, рецидивист, я уже не простая напуганная девочка. Я иду за тобой, и покажу тебе твоё место! Но перво-наперво нужно было что-то сделать с мамой, как-то успокоить её или хотя бы нейтрализовать на время, а то она своей паникой лишь сбивает воинственный настрой.

Янка, как настоящая актриса, выйдя на авансцену, а точнее специально встав посреди народа, набежавшего в их дом, стала набирать телефонный номер. Вдруг, на том конце кто-то ответил:

– Лёнчик, привет! А ты где вообще? – и через небольшую паузу, совершенно спокойным голосом, – Ну, как что случилось?! Случилось. Мама тут с ума сходит. Говорит, украли тебя... да... причём из закрытой ванной. Да, полицию вызвала и скорую помощь тоже. Плохо ей. Успокой ты её, пожалуйста! – Янка, всем своим видом изображая укоризну, подала маме Ире свой смартфон.

От перенесённого стресса у мамы Иры пропал голос, единственное, что она смогла, сипло шепнуть в трубку:

– Лёня!

– Маам, ну ты чего там выдумала? Я же в Воронеже, ты что, забыла?! На конкурсе скрипачей. Ты же меня вчера вечером сама на вокзале провожала. Через неделю вернусь. У меня всё хорошо! – вещал звонкий и радостный голосок младшего брата, – Ну, всё, я побежал, у нас репетиция! Пока-пока, целую тебя.

– Это голос вашего сына? – на всякий случай поинтересовался полицейский.

Но по растерянному виду мамы Иры было и так понятно, что это голос Лёнчика. Полицейский, демонстративно громко с каким-то присвистом вздохнул, вот ведь, мол, с какими только идиотками нам не приходится иметь дело. Казалось, он даже не был удивлён, а заранее ожидал нечто подобное. Не вступая далее ни в какие переговоры с потерпевшей, которая оказалась вовсе не потерпевшей, а просто истеричкой с провалами в памяти, молодой человек собрал исписанные листы в папку. Записал в блокнот номер Янкиного мобильного, видимо, как единственного адекватного члена семьи и был таков.

Рябая врачиха, дописав китайскими каракулями рецепт на лекарство, также без лишних слов устремилась на выход. Но не тут-то было, Янка, изображая безутешную дочь, которая весьма озабочена состоянием матушки, исподволь внушила медработнице то, о чём та и сама могла бы догадаться. Ведь если женщина не помнит, что делала в последние сутки, страдает слуховыми и визуальными галлюцинациями, то её просто необходимо госпитализировать в соответствующее лечебное учреждение. Да, это было жестоко по отношению к родной матери. Но деваться было некуда, да и потрясённой родительнице не помешал бы отдых и медикаментозная помощь.

Сдавшись под прессингом уговоров дочери и докторицы, мама Ира, совершенно дезориентированная, сдалась на милость отечественной психиатрии. Янка помогала собрать сумку совершенно обессиленной пациентке. Ей, конечно, было стыдно, что она, воспользовавшись ванной как укрытием, выдула элементарного звукового фантома брата, который и сказал всё, что нужно, успокоив мать. Настоящего Лёнчика ей ещё предстояло найти, и она готова была приступить немедленно.

Мама Ира часто вопрошала бездушные небеса, театрально заламывая руки, за что, за ЧТО ей такой унижительный позор и обуза в виде психически нездоровой дочери, то есть Янки. Часто пристально глядя на дочь, она мучила её беспощадным вопросом: «Ну в кого ты у нас такая? Ну не было никогда в нашем роду шизофреников!» Мало того, в курсе Янкиного диагноза были не только близкие и дальние родственники, но и соседи по даче, и, наверное, даже все продавцы ближайших магазинов. Всё это рассказывалось им по телефону и при личной встрече с одной целью: пожалейте меня, несчастную, ведь я приношу себя в жертву! То, как чувствует себя при этом дочь, маму не заботило. Диагноз же есть? Есть! Специалисты подтвердили шизофрению. Вот и неча на зеркало пенять!

Когда маму Иру сопровождали в карету скорой помощи, то по её затравленному взгляду Янка поняла, что теперь родительница примерно начинает догадываться, «в кого» дочь психически нестабильна. Но в Янкином сердце не было места мстительному чувству, ей было искренне жаль маму, и помочь ей прийти в себя после не человеческого (а магического) потрясения могли только психотропные препараты и спокойный больничный уход. Это она прекрасно знала по собственному опыту.

Как только Янка осталась одна в квартире, она намеревалась немедленно вернуться на Грань, где все магические ходы противника открылись бы с конкретной ясностью. Но перстень упорно не желал телепортировать её во двор беленького домика. Из синего камня вылетали мелкие беспомощные искорки, моментально сгорая. Никаких перемещений не происходило. Янка ошалело взирала на перстень, который впервые не выполнял её приказа. Она уже так привыкла мотаться из реальности на Грань и обратно, что это стало для неё обыденностью, и вот что-то разладилось, нарушилось. «Так, надо отдышаться. Это всё из-за моего психоза.

Вот сейчас успокоюсь, и перстень заработает». Но время шло, а ничего в лучшую сторону не менялось.

Янка нервничала всё больше, ведь каждая минута была на счету, а выбраться на Грань обычным способом не представлялось возможным. Тогда в голову пришла единственно верная мысль – портал. Верный портал на Грань в Сашиной квартире. Он всегда выручал, даже когда все пути были отрезаны злобным синим монстром.

Осень ещё не успела как следует разгуляться и поджелтить кроны деревьев, подсушить траву на газонах, прорядить и напустить болезненной хандры на цветочные клумбы. Да и погода была ещё по-летнему тёплой и ласковой. Обычно, входя в Сашин дворик, девушка испытывала радостное волнение, как от ожидания праздника, которое, как известно, бывает даже лучше самого праздника. Но не в этот раз. Ей некогда было входить в состояния прикосновения к таинству и, затаив дыхание, прислушиваться к болезненно-сладостному отзвуку в собственном сердце от причастности к жизни возлюбленного. Янка залетела в подъезд и стремглав помчалась на третий этаж к квартире номер семь.

Подбежав в заветной квартире, Янка увидела, что на вишнёвой двери висит листок, косо прилепленный скотчем с надписью, нацарапанной неумелым детским почерком: «Позор должникам!» Это остановило Янку, потерявшую чувствительность от бега и нервного напряжения. Она не переставала сегодня удивляться.

Странно! Никогда даже не приходило ей в голову задуматься над тем, кто платит коммуналку за квартиру в отсутствии хозяина. Это наивное детское предупреждение на разлинованном тетрадном листе заставило её прийти в себя, опуститься на грешную землю. Шумиха и проблемы с соседями и, что ещё страшнее и неприятнее, с городскими службами, были сейчас совершенно не нужны. Портал необходимо охранять от людского внимания. Так, получу стипендию и всю отдам на уплату долгов. Но сколько там вообще их накопилось? Наверняка и пеня уже пошла?

Пока Янка размышляла по поводу коммунальных неуплат, за дверью, где-то в глубине Сашиной квартиры, что-то зашуршало, кто-то подвинул стул, звякнула посуда. Резко присвистнул и тут же умолк чайник, сделав последний тихий прощально-сиплый посвист. Значит, загадочный «кто-то» выключил плиту или снял чайник с огня.

Очень интересно! Этот кто-то живёт в квартире без спросу в отсутствии хозяев, а как за коммуналку, то мне, давай – плати! Янка закипала от возмущения и уже хотела ввязаться в выяснения с неизвестным квартирантом. Но протянув руку к звонку, наткнулась взглядом на татуированную трясогузку. Да что ж это я! Можно же спросить!

На вопрос «Кто сейчас находится в квартире?» птица ничего не отвечала, а лишь открывала и закрывала маленький клюв, будто зевала. Но зато на вопрос, стоит ли заходить туда, трясогузка однозначно опускала хвост вниз, что означало – нет. Янка трижды задавала этот вопрос и трижды получала отрицательный ответ. «Так, но у меня же есть средство для более развёрнутых ответов!» – вспомнила девушка, радостно доставая из кармана записную книжку с химическим карандашом на верёвочке. Думаю, что вопрос очень важный и срочный, поэтому можно воспользоваться красным грифелем.

Карандаш писал плохо, пока Янка не догадалась его послушать. Красный грифель оставлял ярко розовые буквы, а ещё поставил заметную точку на верхних зубах девушки. Переписка гласила:

- Кто сейчас в квартире?
- Твои враги.
- Нужно ли мне заходить туда?
- Нет. Это западня.
- Кто эти враги?
- Нет однозначного ответа.

- Где мой брат Леонид?
- За Гранью.
- А точнее?
- Нет однозначного ответа.
- Почему я не могу попасть на Грань?
- Ваши проходы заблокированы.
- Кем?
- Нет однозначного ответа.
- Что мне делать?
- Обратитесь к сотруднику местного курирования порталов.
- Как спасти брата?
- Нет однозначного ответа...

Вот же, чёрт! Даже вездесущая магическая система, видимо, подвержена вирусу бюрократических отписок. Нет однозначного ответа! Да его никогда нет! Ладно, что-то нужно делать. По крайней мере, теперь я знаю, что Лёнчик за Гранью. Там-то я его быстро обнаружу. Но как теперь туда попасть? А кто у нас этот сотрудник местного курирования порталов? Да кто, конечно, тётя Роза! Срочно нужно бежать к ней.

Перепрыгивая ступеньки, Янка добежала до пролёта, ведущего на первый этаж, где располагались почтовые ящики. Ячейка седьмой квартиры была переполнена «позорными» красными квитанциями. Ох, да сколько же они задолжали? Тут, пожалуй, одной стипендией не расплатиться. Янка вытащила все торчащие бумажки, какие ей удалось достать. Нужно было срочно бежать к тёте Розе и отправляться на поиски брата. Времени на передышку не было. Такой уж сегодня выдался беспокойный день.

Чёрный дар или Кончина Бабы Яги

Невольники из чёрной пыли

При звуках траурного марша

Себя на зависти ловили,

Душою становились старше.

Что наши беды, что победы?

Издалека, как бисер с рисом,

Издалека, из поднебесья,

Где туча Вечности повисла...

Карагаевна умирала девятый день. Дочь Люда самоотверженно находилась при угасающей матери, чего, конечно, никак нельзя было ожидать от столь забубённой особы. Однако вскоре проявилась и причина столь рьяной жертвенности. Нет, отнюдь не дочерняя любовь двигала бывшим завучем, а ныне спившейся, изрядно опустившейся женщиной. Хотя дочь

продолжала побаиваться суровую Карагаевну даже в таком полуживом состоянии. Но время от времени, когда старушка впадала в забытье, МамЛюда таскала у неё из-под матраца деньги, предусмотрительно отложенные на предстоящие похороны.

Придумав ловкое оправдание своему подлому воровству, мол, сиделкам положена посуточная оплата, МамЛюда неслась в ближайший магазин, напоминающий сельпо доперестроечных времён. Благо, несмотря на все запреты, спиртным здесь торговали круглосуточно. Подматрачный гонорар пропивался стремительно, тут же, за ближайшим углом, и горе-сиделка понуро возвращалась к оставленной родительнице.

Мрачный, запущенный без хозяйского догляда домишко, словно умирал вместе со своей владелицей. Дом и раньше не производил впечатления основательного коттеджа, но в последние дни его обветшание становилось катастрофическим. Крыша прогнулась, облез и местами повалился редкозубый забор. Внутри стоял отвратительный смрад дешёвого курева и мочи. Белённые ещё весной стены потускнели и словно покрылись серым налётом.

Жадный глазок дочери-пьяницы рыскал по углам в поисках чего-нибудь пригодного для продажи. Но телевизор был снесён соседям сразу же, как только Карагаевна слегла. Металлическая утварь сдана в «цветмет» за сущие копейки. Пол не мылся, занавески тоже куда-то подевались. Самые заметные разрушения коснулись русской печки, что стояла теперь посреди кухни закопчённой замарашкой с отбитыми углами, сторающая со стыда. Комнаты словно скукожились и казались теперь маленькими захламлёнными чуланчиками, где во всех углах валяется ненужное грязное тряпье.

Временами Карагаевна приходила в себя и принималась истошно орать. Противным, похожим на скрип сухого дерева голосом, она выкрикивала только одно слово:

– Возьмите! Возьмите!!!

МамЛюда, чтобы как-то облегчить муки хоть склочной и нелюбящей, но всё же матери, пыталась с ней говорить:

– Мама, чего взять-то? Что ты хочешь? Скажи!

Но старуха зыркала на дочь полуслепым ненавидящим взглядом и гнала прочь:

– Прочь, постылая! Ишь, чего, пьяниси бесстыжа, а туда же, как порядошна. Мяммя! Кака я тебе мама?! Растудыхувтрибогамать! Поди к чёрту, шалашовка подзаборная!

Отпрянув от проклинаящей её матери, что находилась на пороге смерти, женщина заливалась горькими слезами. А как следует проплакавшись, с полным правом продолжала сбывать старухин скарб, так как, во-первых, это всё равно её наследство. Во-вторых, злобную гадину, называвшуюся её матерью, просто необходимо было хоть как-то наказать и хорошо бы успеть это сделать ещё при её жизни.

Иногда, осмелев после горячительного, мамЛюда даже бравировала своими «подвигами» перед Карагаевной. Дабы ткнуть носом, указав на теперешнее её беспомощное положение, дочь нарочито громко, словно говорит с глухой, сообщала:

– Ма-ам, а я самовар-то твой продала! Сдала вон в металлоприёмку. Так ты говорила, цены ему нет, мол, дореволюционный, из княжеского дома. Так вот, оказалось, ломаный грош ему цена. Знаешь семьсот рублей только и выручила. Дешёвка! – последнее слово было сказано столь злобно и мстительно, что становилось ясно: оно относится больше даже не к самовару, а к самой бывшей владелице ононого.

Старуха никак не реагировала на тотальное разграбление своего жилища нелюбимой дочерью. Ненадолго приходя в сознание, отыскав Людку взглядом, её светло-голубые страшные глаза словно наливались серебром. В такие моменты она напоминала ядовитую змею, которая в любой момент может кинуться и смертельно ужалить.

Антип поздно узнал о состоянии бабки. На звонки забубённой мамаша он давно привык не обращать внимания. Сдав младшего умственно отсталого сына в интернат, мамЛюда месяцами не выходила из запоев. О старшеньком вспоминала только, когда, умирая от похмельного

угара, клянчила гроши на «лекарство». То, что Карагаевна доживает последние дни, Антип узнал от бабкиного соседа, случайно столкнувшись с ним на рынке. Тот рассказал, мол, Людка уже из хаты последние ложки вынесла. Ты бы поторопился, паря, видать бабуся совсем плохая.

Бросив все дела, Антип тут же пулей рванул на кривую улочку с полудеревенским укладом. В пути его до дрожи колотила только одна мысль: «Только бы успеть! Только бы не опоздать!» Вбежав в покосившийся домик, он грубо оттолкнул мать от смертного одра. В порыве нежной преданной любви внук с восторгом, схватив бабкину руку, похожую на скрюченную куриную лапку, трижды ликующе возвестил миру:

– Беру! Беру!! Беру!!!

Тут же из открытого рта старухи вместе с последним смертным рыком выплыло чёрное дымное облачко, похожее на такое, что выпускают иной раз автомобили из выхлопной трубы. Антип словно только этого и ждал. Он втянул чёрный дымок с таким неподдельным удовольствием и вкусом, словно нюхал самое вкусное на свете блюдо – свои любимые свиные шашлыки. Облачко уже полностью вошло в его раздувающиеся красные ноздри, а он продолжал вдыхать воздух с блаженным выражением лица, словно теперь это было уже не жареное мясо, а тонкий чарующий цветочный аромат. Да он и сам теперь напоминал раскрывающийся бутон. Его сутулые плечи расправились, запойное лицо потеряло одутловатую помятость, а глаза из блёкло-серых сделались стальными и сверкали теперь колючим торжествующим огнём.

Во время всей этой метаморфозы мамЛюда, опустив глаза долу, как кроткая смиренница, делала вид, что ничего необычного с её сыном не происходит. Преобразившийся Антип теперь не нуждался ни в чьей поддержке и руководстве. Он деловито щупал бабулин пульс, как заправский врач. Наконец, тень лёгкой злорадной улыбки коснулась его лица.

– Всё. Кончилась.

Пока мамЛюда причитала, хваталась за сердце и рыскала в поисках заначки, Антип успел остановить ходики с кукушкой и завешать покрывалом трюмо. Приказав матери вызывать скорую, он полез в подпол. На недоумённый вопрос матери, для чего сын в столь не подходящий момент полез «чёртикуда», Антип отмахнулся от неё, как от назойливой мухи.

В подполе, полном заплесневелой картошки, Антип отыскал на полке среди запылённых банок небольшой металлический ящик. Его крышку украшали выпуклые и, наоборот, вдавленные узоры из витиеватых латинских букв, видимо, составляющих неизвестные слова. Парень открыл ящик, там лежала толстая, очень старая книга в чёрном замусоленном переплёте, связка необычных чёрных свечей и шар мутного стекла в бархатной тряпице. Вместо названия и фамилии автора в тусклом свете маленькой лампы на обложке мерцал лишь знак пентаграммы.

Антип удовлетворённо ослабил глаза. Если бы кто-нибудь мог наблюдать за ним в этом грязном подполе, то, конечно, сразу бы понял, что это самый важный и радостный момент жизни молодого человека. Меж тем Антип не торопился наверх, его, видимо, совершенно не прельщало окунуться в похоронные хлопоты. Он решил немного потанцевать, аккомпанируя себе нечленораздельными звуками с подвываниями, прицокивая языком и прищёлкивая пальцами. Из всего этого нагромождения звуков, вырисовывался бессмертный шедевр блатного шансона прошлого столетия:

С одесского кичмана²⁴

Бежали два уркана,

Бежали два уркана

---

²⁴ «С одесского кичмана» – песня, музыка Ферри Кельмана (Моисей Яковлевич Феркельман), слова Бориса Тимофеева. Является ярчайшим примером жанра блатной песни первой половины XX века

Та-й на во-во-волю...

Вследствие того, что погребок был совсем крошечный, танцору приходилось выделывать па на полусогнутых ногах, пригнувшись и втянув голову в плечи. Однако можно отметить, что танец от этого только выиграл, так как антураж тесного подземелья придавал выступлению необходимую суровую достоверность. Антип ритмично дёргал руками, поочерёдно подбрасывая вверх кулаки. Эти конвульсии, наполненные нерастроченной молодой энергией, напоминали одновременно танец маленьких утят, еврейский «Семь сорок» и «В ту степь» из бессмертной «Свадьбы в Малиновке»²⁵

---

²⁵ «Свадьба в Малиновке» – музыкальная комедия [Андрея Тютюшкина](#) и экранизация [одноимённой оперетты народного артиста СССР Бориса Александрова](#). 2-е место проката в 1967 году

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.